DK
262
.A2x
no.3

2217

НГЕРЪ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
ВЪ ГОСУДАРСТВѢ БУДУЩАГО.

АРХИЗМЪ,

ВИДУАЛИСТИЧЕСКОЕ

УНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

ОИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕМОСЪ“.

СКАЯ БИБЛІОТЕКА № 6. ЦѢНА 20 К.

80
2217

А. МЕНГЕРЪ.

Экономическая, политическая и частная жизнь въ государствѣ будущаго.

Анархизмъ,

индивидуалистическое и коммунистическое государство.

Книгоиздательство „Демосъ".

Экономическая библіотека № 6. — Цѣна 20 к.

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

80

А. МЕНГЕРЪ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ПОЛИ
И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
ВЪ ГОСУДАРСТВѢ БУДУЩАГО.

DK
262
.A2x
no. 3

2217

АНАРХИЗМЪ,

ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЕ

И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

ПЕРЕВОДЪ СО 2-го НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
К. Л. ОЛЕНИНА.

Книгоиздательство „ДЕМОСЪ“.
1905.

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

Дозволено цензурою. Одесса, 6 іюля 1905 года

Типографія «Порядокъ», Одесса, Успенская 83.

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе имѣетъ цѣлью сгруппировать въ одной картинѣ практическія предложенія соціализма въ дѣлѣ преобразованія нашего общества*). Прежде всего соціализмъ съ полнымъ правомъ подвергъ безпощадной критикѣ существующій общественный строй, потому что только такимъ образомъ представляется возможнымъ привлечь къ стремленіямъ соціализма народныя массы. И эта задача съ начала XVIII вѣка выполнена, благодаря необозримой литературѣ преимущественно критическаго характера. Въ настоящее время, когда соціалистическое міровоззрѣніе постепенно входитъ въ жизнь, вполнѣ своевременно выяснить положительныя организаторскія стороны соціализма болѣе подробно, чѣмъ это сдѣлано до сихъ поръ.

Я попытался освѣтить по крайней мѣрѣ историческое развитіе главныхъ соціалистическихъ ученій и разбираю только теоріи главныхъ представителей. Подробная исторія догмъ соціализма расширила бы эту маленькую книжку до размѣровъ многотомнаго сочиненія. Выборъ между соціалистическими писателями различныхъ національностей представлялъ большія затрудненія и въ отдѣльныхъ случаяхъ я, вѣроятно, не избѣгну упрека въ произволѣ. Но необычайные размѣры соціалистической литературы, трудность ея обозрѣнія и почти полное отсутствіе научной обработки могутъ служить мнѣ извиненіемъ за нѣкоторыя погрѣшности.

Эта книга должна ближе ознакомить господствующіе и образованные классы Германіи и другихъ странъ съ кругомъ соціалистическихъ идей, никогда еще не представленнымъ съ

*) Все свое изслѣдованіе авторъ раздѣлилъ на четыре части, которыя издаются нами въ четырехъ отдѣльныхъ книжкахъ. Въ нашемъ изданіи остальныя три книги носятъ слѣдующія названія: 1) «Экономическая и семейная жизнь въ народномъ рабочемъ государствѣ» 2) «Переходъ къ рабочему народному государству» и 3) «Организація государства будущаго».

такой полнотой. Соціализмъ, имѣющій почти исключительно критическій характеръ, долженъ былъ неизбѣжно вызвать возраженія широкихъ круговъ, потому что немногія мудрыя правила такъ общепризнаны, какъ старая поговорка «критиковать легко, дѣлать лучше—трудно». Свою окончательную форму соціалистическій идеалъ найдетъ только тогда, когда будетъ вполнѣ осуществленъ въ какомъ-нибудь изъ великихъ современныхъ культурныхъ государствъ. Эта книга, считаясь только съ дѣйствующими уже въ настоящее время стимулами человѣческой дѣятельности, примыкая къ традиціоннымъ понятіямъ о правѣ и государствѣ и рекомендуя только обычныя въ практикѣ всемірной исторіи средства политическаго и соціальнаго преобразованія, вмѣстѣ съ тѣмъ стремится достигнуть указанной цѣли до извѣстной степени и путемъ теоретическаго обоснованія.

Вѣна, іюль 1902 г.

Авторъ.

I. Предварительныя замѣчанія.

Всѣ существовавшія до сихъ поръ правовыя учрежденія возникли изъ отношеній, основанныхъ на силѣ, и поэтому всегда имѣли цѣлью заботиться объ интересахъ немногихъ сильныхъ на счетъ широкихъ народныхъ массъ. Въ правовыхъ системахъ древности—греческомъ и римскомъ правѣ,—эти отношенія были закрѣплены учрежденіемъ института рабства и дали возможность господамъ эксплоатировать, какъ имъ было угодно, значительнѣйшую часть населенія. Точно также и феодальный общественный строй, получившій свое полное выраженіе въ средніе вѣка и державшійся вплоть до XVIII и XIX столѣтій, имѣлъ въ рабствѣ и крѣпостномъ состояніи правовые институты, преслѣдовавшіе тѣ-же цѣли съ тѣми-же результатами.

Даже великая французская революція, вліяніе которой чувствуется еще теперь, не уничтожила, а только стушевала эти отношенія неравенства. Правда, французская революція и связанныя съ нею движенія уничтожили личную зависимость народныхъ массъ отъ отдѣльныхъ лицъ и положили въ основу хозяйственнаго порядка свободный договоръ, но это была болѣе внѣшняя, формальная свобода; въ дѣйствительности, въ наиболѣе важныхъ случаяхъ договоровъ богатые противостоятъ бѣднымъ, сильные—слабымъ; и не смотря на отмѣну отношеній личной зависимости, неимущіе, какъ классъ, подчинены богатымъ не меньше, чѣмъ прежде. Несмотря на безчисленныя попытки низшихъ народныхъ классовъ измѣнить условія государственнаго и общественнаго строя въ свою пользу, правовая система, преслѣдующая пользу широкихъ народныхъ массъ, а не немногихъ сильныхъ, еще только имѣетъ быть создана въ будущемъ и въ теоріи, и на практикѣ.

Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ низшихъ народныхъ классовъ, возникновеніе христіанства было первымъ движеніемъ, имѣвшимъ хотя бы внѣшній успѣхъ. Древнѣйшее христіанство почти вовсе не имѣло,—что и можно было ожидать отъ партіи бѣдняковъ,—того почти исключительно сверхчувственнаго характера,

который выразился въ немъ впослѣдствіи подъ вліяніемъ господствующихъ классовъ. Наоборотъ, первые христіане надѣялись, что Христосъ очень скоро снова спустится на землю во всей своей славѣ, и тогда наступитъ прекрасное земное царствіе, въ которомъ первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми, въ которомъ каждый христіанинъ, отказавшійся ради Христа отъ имущества и семьи, будетъ вознагражденъ сторицею *). Первая христіанская община, подобно соціальнымъ реформаторамъ болѣе поздняго времени, добивалась общественнаго строя, благопріятнаго для бѣдныхъ; разница между первыми христіанами и соціальными реформаторами заключается только въ томъ, что по представленію первыхъ христіанъ осуществленіе новаго строя должно было совершиться съ помощью чуда.

Но внѣшнія условія, господствовавшія при возникновеніи христіанства, никоимъ образомъ не благопріятствовали подобнымъ стремленіямъ. Достаточно вспомнить, что въ то время надъ всѣмъ извѣстнымъ міромъ неограниченно властвовалъ одинъ человѣкъ, что въ римскомъ государствѣ повсюду на сравнительно небольшое число свободныхъ гражданъ приходилась огромная масса рабовъ, что и сами свободные дѣлились на чрезвычайно богатыхъ и нищенски бѣдныхъ, — тогда нечего будетъ удивляться тому, что первые христіане не имѣли мужества бороться съ этимъ моремъ несправедливости и насилія и потеряли надежду завоевать права для бѣдняковъ въ этомъ земномъ существованіи. Частью по этой причинѣ, а частью потому, что вторичное чудесное Христово пришествіе не наступало, столь сильно желанное царствіе Божіе очень скоро было перенесено въ потусторонній міръ, гдѣ судьбами людей будутъ управлять справедливость и равенство. И такимъ образомъ христіанство не только утратило свой соціальный характеръ, но даже отвлекло вниманіе народныхъ массъ отъ условій ихъ земной жизни, на которую стали смотрѣть, какъ на нѣчто преходящее, какъ на приготовленіе къ потусторонней жизни въ вѣчномъ царствіи Божіемъ. И дѣйствительно, движенія народныхъ массъ, какъ мы видимъ, въ послѣднія два тысячелѣтія носятъ почти исключительно религіозный характеръ, а соціальныя теченія этого времени и по цѣлямъ, и по результатамъ не играютъ большой роли.

Только со времени французской революціи, когда религіозное чувство уже было значительно ослаблено реформаціей и эпо-

*) Ев. отъ Матѳ., 19,27—30; отъ Мр. 10,28—31, Лк. 18,28—30, Апокал. 20,4 и слѣд., 21,1 и слѣд. Сравн. D. Strauss, Christliche Glaubenslehre, т. 2 (1841), стр. 635 и слѣд.

хой просвѣщенія, народныя массы проснулись отъ мертвящей дремоты. Правда, это великое народное движеніе по существу было главнымъ образомъ только борьбой изъ-за политическихъ правъ между королевской властью и привиллегированными классами съ одной стороны и стремящейся къ возвышенію буржуазіей—съ другой; правда, экономическія оковы, давившія наилучшіе классы, получили только другую окраску, но не были разбиты; но здѣсь впервые—и этотъ фактъ навѣки сохранитъ за французской революціей ея значеніе—здѣсь низшіе классы въ государствѣ впервые выступили, какъ движущая сила, не по религіознымъ мотивамъ; здѣсь эти классы впервые достигли великихъ результатовъ, которые впослѣдствіи только частью могли быть взяты назадъ.

Съ тѣхъ поръ уже стремленія низшихъ классовъ народа создать правовой порядокъ, отвѣчающій ихъ интересамъ, вполнѣ никогда не прекращались. До іюльской революціи (1830) народныя движенія, подобно великой французской революціи, преслѣдовали преимущественно политическія цѣли; начиная-же съ этого времени въ сознаніи массъ рѣшительно преобладаетъ соціализмъ. Въ настоящее время соціальное движеніе рабочихъ массъ распространилось уже по всей Европѣ и Америкѣ. И, если признаки не обманываютъ, оно скоро охватитъ остальныя части свѣта и прежде всего Азію, гдѣ низшіе классы, не смотря на древнюю культуру, до крайности угнетены. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что еще въ XX вѣкѣ соціальный вопросъ станетъ вопросомъ всего человѣчества.

II. Анархизмъ.

Первый вопросъ, на который должно отвѣтить соціалистическое ученіе, заключается въ томъ, необходимо-ли вообще государство для мирнаго сожительства людей? Это проблема анархизма, достигшаго въ XIX вѣкѣ такого большого значенія. Кто ограничивается лишь научнымъ опредѣленіемъ существующихъ государственныхъ отношеній, можетъ, конечно, не касаться анархистскихъ теорій. Но кто, напротивъ, хочетъ отнестись къ человѣческимъ учрежденіямъ свободно, независимо отъ господствующихъ правовыхъ отношеній, тотъ не можетъ обойти вопроса о томъ, не покоится-ли вся огромная масса насилія и страданія, неразрывно связанная съ каждымъ государственнымъ порядкомъ,—не покоится-ли она просто на закоренѣлыхъ предразсудкахъ?

Центромъ каждой анархистской системы служитъ мысль, что для гарантіи гармоничнаго сожительства людей даже на высшихъ ступеняхъ культуры достаточна одна только безпрепятственная игра человѣческихъ силъ и страстей. Это основное положеніе не представляетъ исключительной принадлежности анархизма; уже нѣкоторые либералы и соціалисты, напр., Бастіа и Фурье, защищали подобные взгляды. Но только анархизмъ, исходя изъ этой точки зрѣнія, смѣло вывелъ заключеніе, что принудительный механизмъ государства и церкви, благодаря которому въ современномъ обществѣ достигается взаимное приспособленіе человѣческихъ дѣйствій, долженъ быть устраненъ, какъ безполезный и даже вредный.

Нашъ современный, съ виду строго регламентированный государственный порядокъ, на дѣлѣ сильно проникнутъ анархистскими тенденціями. Вѣдь всѣ жизненныя отношенія, могущія вызвать конфликты, которыхъ не можетъ разрѣшить никакой судья, безъ того, чтобы въ большинствѣ случаевъ не нарушалось мирное сожительство заинтересованныхъ сторонъ, — имѣютъ анархистскій характеръ. Культурныя государства Европы и Америки цѣлыми столѣтіями живутъ рядомъ другъ съ другомъ во внѣш-

немъ мирѣ, не пользуясь услугами суда. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ ихъ многочисленные споры разрѣшаются путемъ компромиссовъ между заинтересованными сторонами; только самые серьезные случаи столкновенія интересовъ рѣшаются войной. Часто повторяющіеся случаи столкновенія въ правящихъ кругахъ между высшими представителями власти (правительство и парламентъ, государство и церковь) или остаются неразрѣшенными или также сглаживаются путемъ компромиссовъ за неимѣніемъ общепризнаннаго суда. Даже въ области частныхъ жизненныхъ отношеній, которыя, благодаря тысячелѣтнему развитію, болѣе всего подчинены господству гражданскаго права, напр., въ семьѣ, мы видимъ полуанархисткое образованіе, поскольку семья создаетъ личныя отношенія между своими членами. Отношенія между супругами, какъ и отношенія родителей къ дѣтямъ, только въ самой незначительной степени пользуются защитой законовъ и суда, и, однако, мирное сожительство семьи не нарушается. Наконецъ, едва-ли не лучшимъ примѣромъ анархистской группы можетъ служить далеко не рѣдкій случай, когда родители безъ всякаго внѣшняго принужденія и не прибѣгая къ авторитету закона, десятки лѣтъ живутъ и хозяйничаютъ вмѣстѣ со взрослыми дѣтьми, вышедшими изъ подъ ихъ родительской власти.

Это состояніе, свободное отъ принужденія законовъ и суда, анархизмъ хочетъ распространить на всѣ остальныя житейскія отношенія и въ особенности на народное хозяйство и на управленіе. Понятно, что съ такой точки зрѣнія современное господствующее и повелѣвающее государство, распоряженія котораго являются вмѣстѣ съ тѣмъ и законами, должно исчезнуть или превратиться въ организацію хозяйственнаго характера. И соціалъ-демократія въ этомъ отрицаніи военно-бюрократическаго государства вполнѣ солидарна съ анархизмомъ*). Но между этими обоими міровоззрѣніями есть глубокое различіе; оно заключается въ томъ, что соціалъ-демократія, признавая выработавшійся тысячелѣтіями государственной строй, хочетъ кореннымъ образомъ его преобразовать въ соотвѣтствіи со своими теоріями, въ то время, какъ анархизмъ стремимся построить совмѣстную жизнь людей на совершенно новыхъ началахъ: Отнынѣ организація человѣческаго общества не должна болѣе покоиться на установившемся насиліи, какъ это было до сихъ поръ, а наоборотъ, всѣ составныя части анархитской организаціи—группы, общины, провинціи и

*) См. Энгельсъ. «Философія, политическая экономія и соціализмъ». Русскій переводъ. Изд. 2. Спб. 1905. Его-же. Отъ утопіи къ наукѣ. Русскій переводъ. Одесса. 1905. Bebel. Die Frau in der Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft, 25-е изд.

областные союзы—должны основаться только на свободномъ договорѣ участниковъ. Въ то время какъ старое естественное право кладетъ въ основаніе современнаго государства туманную теорію общественнаго договора, предполагающую согласіе народа даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда отвратительная тиранія и ужаснѣйшая эксплуатація массъ исключаютъ всякую возможность подобнаго заключенія, — анархистская организація общества во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ должна покоиться на дѣйствительно выраженномъ согласіи и только на немъ.

Такимъ образомъ, всѣ анархистскія школы хотятъ уничтожить современное господствующее и повелѣвающее государство съ его законодательной и принудительной властью и поставить на его мѣсто организацію управленія, основанную на договорѣ участниковъ. Но въ планахъ устройства хозяйственной жизни различныя школы между собою сильно расходятся. Болѣе ранній анархизмъ индивидуалистиченъ: онъ хочетъ сохранить частное хозяйство современнаго общественнаго строя, а слѣдовательно, и связанную съ нимъ частную собственность. Новѣйшія анархистскія теоріи, напротивъ, требуютъ, чтобы производство, потребленіе и организація услугъ оставались въ распоряженіи свободно образовавшихся группъ, въ рукахъ которыхъ, понятно, должны быть сосредоточены всѣ продукты и, въ особенности, средства производства. Такимъ образомъ, анархизмъ въ своемъ новѣйшемъ развитіи по существу коммунистиченъ.

Согласно болѣе старому анархизму, главными представителями котораго можно считать Годвина, Прудона и въ извѣстной степени Штирнера, авторитарное государство, его законодательство и правовая защита должны быть уничтожены, и каждая отдѣльная личность должна удовлетворять свои потребности путемъ частно-хозяйственной дѣятельности. Чтобы сдѣлать хоть до нѣкоторой степени допустимымъ подобный, полный противорѣчій, строй, теоретики анархизма, понятно, должны были положить въ основу его прямо таки невозможныя предположенія. Такъ, Годвинъ, желающій сохранить индивидуальное хозяйство и частную собственность, требуетъ, чтобы имущество поровну дѣлилось между членами общины; но каждый товарищъ,—для этого человѣческія чувства и склонности должны совершенно измѣниться,—каждый товарищъ долженъ быть готовъ каждую минуту отдать свою часть имущества другому для удовлетворенія его болѣе насущныхъ потребностей. Для анархизма-же Прудона является необходимой хозяйственная предпосылка—учрежденіе народнаго банка, изъ котораго каждый можетъ получить безпроцентную ссуду и такимъ образомъ обзавестись необходимыми

для продуктивности труда средствами производства; это обязательно приведетъ къ полному уничтоженію противоположности между богатыми и бѣдными. Наконецъ, анархитсткая система Штирнера исходитъ изъ той химерической идеи, что для совмѣстной жизни и общей дѣятельности людей при внѣ-государственномъ и внѣ-правовомъ состояніи вовсе не нужны высшія добродѣтели самопожертвованія,—для этого вполнѣ достаточно одного только необузданнаго эгоизма.

Новый анархизмъ, напротивъ, по преимуществу коммунисченъ. Всѣ жизненныя потребности, и въ особенности производство и распредѣленіе пищи, одежды и жилища, по его плану удовлетворяются свободно образовавшимися группами. Задачи этихъ группъ, ихъ территоріальная величина, число ихъ членовъ—все это опредѣляется свободнымъ рѣшеніемъ участниковъ. Относительно внутренней организаціи группъ, составляющихъ основу анархистскаго строя, относительно ихъ взаимныхъ отношеній, мы можемъ почерпнуть въ анархистскихъ системахъ очень мало опредѣленнаго. Ясно только, что въ анархистскомъ обществѣ и управленіе, и хозяйственная жизнь опираются на одинъ и тотъ же организаціонной принципъ—на свободную организацію группъ —въ то время какъ въ современномъ соціальномъ строѣ функціи управленія и частной иниціативы, управляющія государствомъ и народнымъ хозяйствомъ, являются совершенно различными образованіями и имѣютъ существенно отличающееся историческое развитіе.

Въ вопросѣ о распредѣленіи потребительныхъ благъ коммунистическій анархизмъ страдаетъ тѣми-же противорѣчіями, что и соціализмъ. Первые представители этого ученія, и именно Бакунинъ и Мостъ, еще придерживаются того взгляда, что жизненныя средства должны распредѣляться между всѣми членами анархистской общины сообразно съ количествомъ затраченнаго труда, что, слѣдовательно, право на весь продуктъ труда должно быть признано также въ анархистскомъ обществѣ. Другая группа теоретиковъ анархизма, принадлежащая собственно новѣйшему времени, находитъ, что проведеніе этого права въ жизнь потребуетъ сложной общественной организаціи, трудно осуществимой при отсутствіи государства. Поэтому въ анархисткомъ обществѣ каждый вправѣ пользоваться всѣми имѣющимися средствами потребленія по мѣрѣ потребности, и только въ случаѣ, если ихъ нельзя имѣть въ достаточномъ количествѣ, должно имѣть мѣсто распредѣленіе, которое, при отсутствіи всякаго государственнаго авторитета, осуществимо, конечно, лишь съ большими затрудненіями. Количество и качество затрачиваемаго труда также дол-

жно быть предоставлено усмотрѣнію товарищей; это съ необходимостью вытекаетъ изъ самой сущности внѣгосударственнаго строя.

Таковы основныя идеи анархизма, насколько вообще себѣ можно представить общую картину этого ученія по многочисленнымъ противорѣчивымъ анархистскимъ системамъ.

На вопросъ о практической цѣнности этихъ идей можно дать только одинъ отвѣтъ: какъ проведеніе въ жизнь, такъ и сама дѣятельность анархистскихъ учрежденій должны встрѣтиться съ непреодолимыми препятствіями.

Прежде всего, большинство писателей сходятся на томъ, что при организаціи анархистскаго общественнаго строя послѣ торжества соціальной революціи должно имѣть мѣсто отчужденіе всего имѣющагося на лицо богатства отъ ихъ владѣльцевъ,—простое отчужденіе, безъ всякаго вознагражденія. Но даже и при полной побѣдѣ революціоннаго дѣла такое принудительное отчужденіе не можетъ осуществиться безъ самыхъ ужасныхъ насилій и должно надолго совершенно разстроить производство и распредѣленіе. Если даже представить себѣ это разрушеніе всего существующаго,—разрушеніе, подобнаго которому еще не видѣлъ весь міръ, то сейчасъ-же возникаетъ и вопросъ, какимъ-же образомъ при отсутствіи государства и закона будетъ раздѣлена огромная масса благъ между свободно группирующимися группами? Какимъ образомъ общество обезпечитъ безконечное количество безконечно разнообразныхъ хозяйственныхъ работъ? Вѣдь всѣ анархистскія группы будутъ стремиться получить самыя плодородныя поля, наилучше устроенныя фабрики, наиболѣе здоровыя и удобныя жилища,—даже и въ томъ случаѣ, если допустить возможность полнаго нравственнаго перерожденія человѣчества подъ вліяніемъ анархистскихъ идей! Несомнѣнно также, что при полной свободѣ выбора профессій, на занятія плодоводствомъ, цвѣтоводствомъ, музыкой и т. п. здоровыми и пріятными профессіями найдется много охотниковъ и, наоборотъ, нездоровыя и грязныя работы—чистка улицъ и каналовъ, фабрикація спичекъ—вовсе не найдутъ ихъ. Большинство анархистскихъ писателей проходитъ мимо этихъ основныхъ вопросовъ, отвѣчая на нихъ только нѣсколькими общими фразами. А между тѣмъ, здѣсь рѣчь идетъ о постоянномъ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ лицъ и группъ, т. е. о вопросахъ жизни въ полномъ смыслѣ этого слова; при отсутствіи государственнаго и законнаго порядка эти вопросы врядъ-ли могутъ быть рѣшены иначе, какъ не насиліемъ. Но вѣковой опытъ учитъ насъ тому, что подобная война всѣхъ противъ всѣхъ изъ-за важнѣйшихъ экономическихъ

вопросовъ приведетъ только въ военной тираніи, къ этому могущественнѣйшему и наиболѣе гнетущему государственному строю.

Въ дѣятельности своей анархистскія учрежденія встрѣтили бы не меньше затрудненій, чѣмъ при организаціи. Цѣлыми тысячелѣтіями народныя массы въ политическомъ отношеніи были руководимы правительствами, въ экономическомъ—предпринимателями; весь жизненный порядокъ приписывался имъ сверху законами и приказаніями. И вдругъ анархизмъ предъявляетъ этимъ постоянно опекаемымъ массамъ требованіе, чтобы каждая личность, посредствомъ договоровъ съ многочисленными группами, какъ бы сама для собственныхъ житейскихъ отношеній—составляла себѣ сводъ законовъ. Такая задача далеко превосходитъ интеллектуальныя силы большинства, и вполнѣ естественно, что для столь разнообразныхъ групповыхъ договоровъ стали бы общеупотребительными разъ на всегда установленные шаблоны, которые очень скоро—если не формально, то фактически—получили бы силу законовъ. Въ исторіи такой переходъ отъ договора къ закону, отъ свободы къ зависимости—наблюдается безконечное число разъ. Вѣдь и христіанская организація первоначально была братскимъ союзомъ, основаннымъ на добровольномъ согласіи участниковъ. Однако же она очень скоро превратилась въ правовую общину съ далеко простирающейся законодательной и принудительной властью.

Переоцѣнка договорныхъ формъ, которую мы находимъ у большинства анархистовъ, начиная съ Прудона, должна быть отнесена на счетъ происхожденія анархисткихъ доктринъ изъ крайняго либерализма. Современное развитіе права стремится исправить этотъ порядокъ міровоззрѣнія и охранить массы отъ гибельныхъ послѣдствій предоставленнаго имъ свободнаго договора. При анархистскомъ общественномъ сроѣ, конечно, прекратится сосредоточеніе земли и капитала въ рукахъ немногихъ предпринимателей, и важнѣйшая причина экономическаго угнетенія исчезнетъ; но всѣ другіе элементы духовнаго и экономическаго превосходства сохранились бы. Наиболѣе крупныя и хорошо управляемыя группы, въ особенности занимающіяся производствомъ и распредѣленіемъ средствъ существованія и удовлетвореніемъ другихъ необходимыхъ потребностей, очень скоро достигли бы положенія, напоминающаго положеніе современныхъ предпринимателей; въ результатѣ—снова явилось бы стремленіе массъ къ установленію государственнаго строя. И дѣйствительно, если когда-нибудь существующее отношеніе силъ достаточно созрѣетъ для введенія анархистскаго общественнаго строя, то возникшая въ нихъ государственная власть будетъ такъ же одно-

сторонне благопріятствовать массамъ, какъ односторонне она теперь благопріятствуетъ образованнымъ и имущимъ классамъ. Вѣдь и при современномъ строѣ для массъ неблагопріятны не государство и законъ сами по себѣ, а господствующее надъ тѣмъ и другимъ отношеніе силъ.

Но если все основаніе анархистской организаціи, построенное на договорѣ, неудовлетворительно, то рекомендуемое большинствомъ теоретиковъ устройство по группамъ еще болѣе нецѣлесообразно. Конечно, въ настоящее время весьма многія хозяйственныя, гуманитарныя, научныя и художественныя потребности, благодаря высоко развитой общественной жизни, удовлетворяются съ помощью частной иниціативы; это и дало поводъ Прудону и его послѣдователямъ считать, по примѣру Фурье, свободно образовавшуюся группу первоначальной ячейкой анархистскаго организма *). Но именно союзы и товарищества, соотвѣтствующія въ современномъ правовомъ строѣ анархистскимъ группамъ, представляютъ изъ себя особо сложныя правообразованія, слишкомъ часто являющіяся, по старинной пословицѣ юристовъ, обильнымъ источникомъ конфликтомъ (communio—mater rixarum). Такимъ образомъ если не вѣрить, подобно утопистамъ, въ полное перерожденіе, благодаря анархизму, человѣческаго духа, то прійдется признать, что анархизмъ, съ одной стороны, вслѣдствіе организаціи по группамъ, неизмѣримо увеличилъ бы столкновенія между товарищами, а съ другой, уничтожая государство, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ бы и всѣ средства мирнаго разрѣшенія этихъ столкновеній.

Наряду съ этими сомнѣніями, преимущественно юридическаго характера, групповая организація вызываетъ также возраженія и съ экономической стороны. Съ экономической точки зрѣнія группа только тогда цѣлесообразна, если ея цѣли легко достижимы и потому понятны всѣмъ ея участникамъ. Такъ, напримѣръ, организуются группы для производства и потребленія экономическихъ благъ. Если-же, напротивъ, рѣчь идетъ о болѣе отдаленныхъ цѣляхъ, важность которыхъ уразумѣвается только при болѣе глубокомъ разсмотрѣніи ихъ, то безъ явной переоцѣнки человѣческой природы предоставить осуществленіе ихъ свободной дѣятельности массъ можно было бы только съ чрез-

*) Въ соціальной системѣ Фурье и его школы основаніемъ всего соціальнаго механизма служатъ также группы и серіи, т. е. свободныя соединенія извѣстнаго числа лицъ, образуемыя ими, смотря по ихъ наклонностямъ и страстямъ, для тѣхъ или другихъ цѣлей производства или потребленія.

вычайной осторожностью. Довѣрить постановку образованія свободно формирующимся группамъ, значитъ, это указываетъ опытъ всѣхъ странъ,—гдѣ нѣтъ принудительнаго школьнаго обученія,—вытѣснить элементарныя знанія изъ народныхъ массъ. Поэтому нѣкоторые даже изъ наиболѣе послѣдовательныхъ анархистовъ готовы именно въ этомъ пунктѣ допустить государственное принужденіе. Не лучше обстоитъ дѣло и съ цѣлымъ рядомъ другихъ видовъ дѣятельности, именно съ тѣми, которые при современномъ общественномъ строѣ не приносятъ дохода и поэтому охотно передаются частными предпринимателями государствамъ и государственнымъ союзамъ; сюда, напримѣръ, относятся забота о народномъ здравіи, устройство и содержаніе дорогъ и каналовъ, наконецъ, обширныя области искусства и науки.

Еще болѣе сомнительно съ экономической точки зрѣнія выставляемое современнымъ анархизмомъ требованіе, чтобы средства наслажденія были правильно распредѣлены между товарищами въ зависимости отъ ихъ потребностей. Это положеніе, впрочемъ, не является исключительной принадлежностью анархизма,—скорѣе анархистская теорія заимствовала его у авторитарнаго коммунизма, почему оно и можетъ быть разсмотрѣно въ связи съ коммунистическими принципами распредѣленія.

Приведенныя здѣсь основанія, число которыхъ можно легко увеличить, рѣшительно отвергаютъ анархизмъ, какъ будущую организацію общества. Однако, и въ этихъ крайнихъ теоріяхъ есть зерно истины. Современное общество, преслѣдующее только узкіе житейскіе интересы, конечно, никогда не можетъ отказаться отъ примѣненія насилія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. И вѣроятно также, что человѣчество никогда не сможетъ совершенно обойтись безъ государства съ его законодательствомъ, принудительной и карательной властью. Но если когда-нибудь благо всѣхъ людей дѣйствительно станетъ цѣлью нашихъ соціальныхъ учрежденій, и народныя массы, благодаря этому, поднимутся до болѣе высокаго уровня развитія и до готовности къ жертвамъ, тогда ихъ свободной дѣятельности можно будетъ предоставить гораздо больше, чѣмъ мы, вѣчно водимые на помочахъ, теперь даже можемъ вообразить.

III. Индивидуалистическое и соціалистическое государство.

Мы предполагаемъ, слѣдовательно, такое соціальное состояніе человѣчества, когда мирное сожительство и сотрудничество народовъ не предоставлены свободной игрѣ политическихъ и экономическихъ силъ, а когда всѣ жители извѣстной области подчиняются правительству, имѣющему право и обязанность, въ случаѣ надобности, поддерживать это состояніе даже и насиліемъ. Поэтому мы считаемъ существованіе государства и государственнаго строя необходимымъ для каждаго народа, перешагнувшаго черезъ первыя ступени культуры. Но въ этихъ широкихъ рамкахъ, понятно, можетъ заключаться безконечно разнообразное содержаніе.

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію особенно интересующихъ насъ теперь противорѣчій, внутренне присущихъ всякимъ государственнымъ формамъ, мы бѣгло коснемся различія между государствомъ Божіимъ и государствомъ мірскимъ или человѣческимъ. Если государство видитъ важнѣйшую цѣль своей дѣятельности въ религіозномъ совершенствѣ своихъ гражданъ, если оно разсматриваетъ земную жизнь, какъ временное паломничество, ведущее къ блаженной жизни въ сверхчувственномъ потустороннемъ мірѣ, если, короче говоря, мотивами его дѣятельности являются не земныя цѣли людей, а отношеніе ихъ къ Богу, то передъ нами Божіе государство, естественно подчиненное власти священнослужителей и имѣющее теократическій характеръ. Такое государство, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, было господствующей государственной формой въ эпоху расцвѣта среднихъ вѣковъ; но и въ моментъ наивысшаго развитія средневѣковаго міросозерцанія—полнаго подчиненія земныхъ интересовъ религіознымъ цѣлямъ даже и приблизительно не было. Съ конца-же среднихъ вѣковъ историческое развитіе всюду приводитъ къ все болѣе свѣтскому характеру государства, въ настоящее время ставящему себѣ задачей удовлетвореніе исключительно земныхъ интересовъ; достиженіе небесныхъ цѣлей оно предоставляетъ различнымъ религіознымъ обществамъ. Нѣтъ поэтому никакой надобности объяснять, почему эти страницы посвящены

исключительно анализу свѣтскаго государства, стремящагося земными средствами удовлетворить земныя цѣли своихъ гражданъ.

Между всевозможными формами свѣтскаго государства насъ интересуетъ преимущественно различіе, даже противоположность, между индивидуалистическимъ и соціалистическимъ государствомъ. Индивидууалистическій государственный строй присущъ государству господствующему и повелѣвающему, государству насилія; соціалистическій-же государственный строй, напротивъ, —государству трудящихся народныхъ классовъ, народному рабочему государству. Наше современное культурное государство имѣетъ во всѣхъ отношеніяхъ характеръ индивидуалистическаго государства.

Противоположность между индивидуалистическимъ и соціалистическимъ государствомъ, между индивидуализмомъ и соціализмомъ, очень стара; но эти термины для ихъ опредѣленія вошли въ употребленіе только недавно. Основатели современнаго соціализма—Мелье, Морелли, Бабефъ, Буонароти—во Франціи, Томасъ Спенсъ и его приверженцы, Голль и Томпсонъ—въ Англіи—еще не знали слова «соціализмъ», а называли себя демократами, республиканцами, филантропами. Въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона и Фурье я также не нашелъ этого важнаго партійнаго названія, которое впервые такъ ясно обнаружило всю противоположность между новымъ міровоззрѣніемъ и современнымъ общественнымъ строемъ.

Въ 1836 году, какъ утверждаетъ Голіокъ, приверженцы Роберта Оуэна на конгрессѣ въ Манчестерѣ приняли это названіе для своей партіи; благодаря этому, они долгое время назывались, по преимуществу во Франціи и Англіи, соціалистами. И дѣйствительно, въ важнѣйшемъ органѣ оуэнистовъ «New Moral World» («Новый нравственный міръ»), начиная съ 1836 г., слово «соціализмъ» встрѣчается довольно часто. Однако, въ номерѣ отъ 18 марта 1837 г., въ статьѣ, разсматривающей вопросъ, какое имя должны принять послѣдователи Оуэна, авторъ высказывается за наименованіе «соціалисты», совершенно не упоминая объ указанномъ постановленіи конгресса. Позднѣе, благодаря историческимъ трудамъ Рейбо (1840) и Лоренца Штейна (1842), слово «соціализмъ» получило всеобщее распространеніе для обозначенія міровоззрѣнія, противоположнаго индивидуализму.

Въ чемъ-же заключается противоположность между индивидуализмомъ и соціализмомъ? обыкновенно на это отвѣчаютъ, что въ первомъ экономическая дѣятельность осуществляется преимущественно отдѣльными лицами, въ то время какъ она во второмъ принадлежитъ преимущественно обществу. Этотъ

взглядъ правиленъ, но не исчерпываетъ вопроса. Сущность современнаго индивидуалистическаго культурнаго государства скорѣе заключается въ томъ, что объектъ государственной дѣятельности обусловливается почти исключительными индивидуальными интересами сильныхъ и въ самой незначительной степени интересами слабыхъ *). Тотъ фактъ, что государство предоставляетъ всю область экономической жизни главнымъ образомъ свободной дѣятельности отдѣльныхъ личностей, слѣдуетъ разсматривать, какъ естественный результатъ указанной тенденціи индивидуалистическаго государства; экономическіе интересы господствующихъ имущихъ классовъ, по крайней мѣрѣ нормально, такимъ путемъ удовлетворяются гораздо больше, чѣмъ при какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ государства.

Одностороннее направленіе дѣятельности современнаго культурнаго государства на поддержку индивидуальныхъ интересовъ могущественныхъ классовъ прежде всего ясно видно изъ того факта, что государственная дѣятельность всюду стремится къ одной цѣли: къ утвержденію и расширенію власти главенствующихъ. Большая часть государственныхъ расходовъ въ нашихъ государствахъ идетъ на усиленіе военнаго могущества, на уплату процентовъ по военнымъ займамъ и на руководство иностранной политикой, т. е. на то, что непосредственно охраняетъ главенствующихъ. Народное образованіе также имѣетъ патріотическій характеръ, т. е. ставитъ себѣ цѣлью вызывать въ гражданахъ твердое убѣжденіе въ необходимости жертвовать для главенствующихъ имуществомъ и жизнью. Такое положеніе, конечно, возможно только до тѣхъ поръ, пока главенствующіе классы охраняютъ свою власть. Какъ только власть переходитъ въ другія руки, государственная дѣятельность сейчасъ-же начинаетъ охранять индивидуальные интересы новыхъ господъ. Такъ, теперь, послѣ основанія германской имперіи, мы едва можемъ понять существовавшій прежде патріотизмъ курфюрстско-гессенскій или великогерцогско-нассаускій или-же, наконецъ, патріотизмъ множества нѣмецкихъ крошечныхъ государствъ XVIII вѣка, которыя въ то время были еще подъ властью самостоятельныхъ династій и большая часть государственной дѣятельности которыхъ была направлена къ возбужденію и поддержкѣ патріотическихъ чувствъ. То же самое имѣетъ мѣсто и въ государствахъ съ респуб-

*) Быть можетъ, ни въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій сущность индивидуалистическаго насильственнаго государства не выражена такъ правдиво, но и такъ рѣзко, какъ въ «Политикѣ» Трейчке. Ср. особенно Bd. I, 2 Aufl. (1899). Стр. 32, 51 и слѣд.

ликанскимъ строемъ; впрочемъ, здѣсь патріотическое чувство тѣснѣе, чѣмъ въ монархіяхъ, связано съ родной стороной и народомъ.

Но на ряду съ сохраненіемъ власти главенствующихъ,—что̀ индивидуалистическое государство ставитъ себѣ цѣлью,—на него падаетъ также обязанность охранять экономическіе интересы имущихъ классовъ и содѣйствовать наивозможно большей ихъ выгодѣ. Этой цѣли служатъ значительная часть гражданскаго и уголовнаго права и такъ называемое внутреннее управленіе. Здѣсь интересы имущихъ выступаютъ огромными однородными массами, и индивидуальные интересы подымаются до классовыхъ. Къ этой государственной дѣятельности слѣдуетъ прибавить еще финансовое вѣдомство, доставляющее правительству матеріальныя средства, и тогда можно сказать, что современное индивидуалистическое государство въ значительнѣйшей части своей дѣятельности удовлетворяетъ индивидуальные интересы господствующихъ и имущихъ классовъ. Конечно, и въ нашемъ индивидуалистическомъ государствѣ, основанномъ на силѣ, существуютъ и такія учрежденія, которыя приходятъ на помощь и неимущимъ народнымъ классамъ. Я назову здѣсь только хотя бы народное образованіе, санитарную и наружную полицію, карательное правосудіе, поскольку послѣднее охраняетъ безопасность жизни, здоровья и нравственности. Но сравнительно со *всей* государственной дѣятельностью въ цѣломъ, эта забота объ интересахъ неимущихъ народныхъ классовъ очень незначительна, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ случаевъ предоставлена низшимъ органамъ государственнаго управленія. Только въ новѣйшее время мы замѣчаемъ, что и высшіе органы государственной власти проявляютъ значительную дѣятельность въ интересахъ низшихъ слоевъ населенія. Но для основаннаго на силѣ индивидуалистическаго государства, одной изъ старѣйшихъ соціальныхъ формъ человѣчества, въ высокой степени характерно, что оно только въ девятнацатомъ вѣкѣ узнало о самомъ существованіи подобныхъ интересовъ, въ то время, какъ неимущіе классы всегда составляли огромное большинство населенія.

Теперь мы противопоставимъ этой сложившейся формѣ государства, развившейся весьма однообразно во всемъ культурномъ мірѣ изъ отношеній военныхъ и политическихъ, основанныхъ на силѣ, государство *соціалистическое или народное рабочее государство*. Его сущность, сведенная къ общей формулѣ, заключается въ томъ, что индивидуальные интересы огромныхъ народныхъ массъ составляютъ здѣсь главную цѣль государственной дѣятельности. И при этомъ господствующіе и имущіе классы долж-

ны отказаться отъ отождествленія своихъ интересовъ съ общественнымъ благомъ, какъ ни естественно, можетъ быть, что выдающіяся личности и общественныя группы усматриваютъ въ своемъ собственномъ благѣ—благо всѣхъ.

Индивидуальные жизненные интересы широкихъ народныхъ массъ не имѣютъ преимущественно политическаго характера, какъ это думали еще дѣятели французской революціи. Участіе въ управленіи государствомъ можетъ быть разсматриваемо неимущими классами народа, только какъ средство охранить свои интересы. Истинныя же задачи каждой отдѣльной личности заключаются въ сохраненіи и поддержаніи индивидуальнаго существованія, продолженіи рода, наконецъ, въ достиженіи безопасности жизни и здоровья. Достаточное питаніе, жилище и одежда, удовлетвореніе духовныхъ потребностей, благоустроенная семейная жизнь, ненарушимое здоровое существованіе—это цѣли, къ которымъ каждый изъ насъ стремится и долженъ стремиться. Именно въ удовлетвореніи этихъ важнѣйшихъ потребностей каждаго человѣка и заключается *общественное всеобщее благо*. То же именно, что въ настоящее время предполагается подъ этимъ извращавшимся и возбуждавшимъ столько недоразумѣній понятіемъ, должно быть отодвинуто на второй планъ. Главный недостатокъ нашего общественнаго строя и заключается въ томъ, что онъ разсматриваетъ эти важнѣйшія, всеобщія жизненныя задачи, какъ какое-то частное дѣло, о которомъ каждый человѣкъ долженъ заботиться самъ по себѣ, собственными силами и на собственный страхъ въ предѣлахъ частнаго права. Слѣдовательно, если мы стремимся къ такому государственному строю, въ которомъ общественное и всеобщее благо дѣйствительно сольются воедино, то мы вовсе не гонимся за пустымъ призракомъ. Соціалистическій общественный строй является исходнымъ пунктомъ развитія большинства народовъ и, между прочимъ, древнѣйшихъ германскихъ племенъ; только впослѣдствіи онъ былъ вытѣсненъ изъ народной жизни насильственно, вслѣдстіе перевѣса воинственныхъ элементовъ. Монтескьё имѣлъ полное право въ эпоху жесточайшаго королевскаго обсолютизма заявить, что основы политической свободы могутъ быть найдены въ лѣсахъ Германіи. Мы въ свой чередъ можемъ противопоставить частной собственности культурнаго міра тотъ фактъ, что у колыбели германскихъ и почти всѣхъ другихъ народовъ господствовалъ преимущественно соціалистическій строй; поэтому соціальное движеніе нашего времени въ сущности есть только требованіе вернуть намъ древнее наслѣдство нашихъ предковъ.

IV. Соціалистическое и коммунистическое государство.

Соціалистическое государство или, опредѣляя названіемъ и сущность его, народное рабочее государство, построено на идеѣ государственной дѣятельности, направленной, прежде всего, къ сохраненію и поддержанію индивидуальнаго существованія, продолженію рода и неприкосновенности личности, жизни и здоровья. Послѣдняго мы пока не будемъ касаться, потому что защита этихъ благъ и въ соціалистическомъ государственномъ строѣ предоставляется уголовному праву.

Если видѣть настоящее общественное благо въ сохраненіи и поддержаніи индивидуалистическаго существованія гражданъ и въ заботахъ о продолженіи рода, то изъ этого само собой вытекаетъ необходимость глубокаго преобразованія нашего современнаго имущественнаго и семейнаго права. И дѣйствительно, основы права въ индивидуалистическихъ государствахъ, основанныхъ на власти, предусматриваютъ противоположное возрѣніе: именно эти жизненныя задачи и составляютъ частное дѣло отдѣльной личности, которая должна выполнить ихъ на собственный страхъ въ рамкахъ частнаго права. Напротивъ, по соціалистическимъ представленіямъ о правопорядкѣ, государство, впервые со времени своего возникновенія, сознательно и съ намѣреніемъ разсматриваетъ главную цѣль своего существованія въ удовлетвореніи всеобщихъ жизненныхъ задачъ. И въ виду признанія первенствующаго значенія интересовъ массъ, жизненныя задачи, извѣстныя подъ названіемъ «общественнаго блага» и фактически представляющія изъ себя интересы узкихъ круговъ, должны необходимо отступить на второй планъ и въ сознаніи массъ и въ дѣятельности государствъ.

Такое коренное измѣненіе высшихъ государственныхъ задачъ должно, естественно, отразиться не только на имущественномъ и семейномъ правѣ, но и на всемъ государственномъ строѣ. Анализу этого и посвящены другія части нашего труда *). Но и

---

*) «Экономическая и семейная жизнь въ народномъ государствѣ» и «Организація государства будущаго». См. примѣч. къ предисловію.

здѣсь можно отмѣтить, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, вліяніе такихъ перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ на имущественное и семейное право, которое должно обезпечить инстинктъ самосохраненія и продолженія рода.

Такъ какъ соціалистическое государство ставитъ себѣ цѣлью сохраненіе и поддержаніе индивидуальнаго существованія гражданъ и внѣшнія гарантіи продолженія рода, то понятно, что и права, обезпечивающія удовлетвореніе этихъ потребностей, должны распространиться на все общество. Это положеніе, однако, не можетъ имѣть силы общепримѣнимаго правила, а должно только въ общихъ чертахъ отмѣтить собственный ходъ соціалистическаго развитія права; точко также наше современное государство большей частью само осуществляетъ общественный правопорядокъ, что, однако, нисколько не препятствуетъ ему передавать нѣкоторыя публичныя права (напр., избирательное право) отдѣльнымъ личностямъ, подобно частнымъ правамъ.

Что касается, прежде всего, имущественныхъ правъ, т. е. права распоряженія богатствами внѣшней природы, необходимыми для сохраненія и поддержанія индивидуальнаго существованія, то въ соціалистическомъ государствѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, они должны принадлежать государству и государственнымъ союзамъ, а не отдѣльнымъ личностямъ, какъ это практикуется теперь. Предметы, представляющіе интересъ не только для отдѣльнаго народа, но и для всего культурнаго міра, какъ, напримѣръ, море или Суэцкій каналъ, при соціалистическомъ строѣ даже должны быть превращены въ собственность всего человѣчества. Но такъ какъ подобное преобразованіе правопорядка не должно идти дальше общественныхъ интересовъ, то и соціализація частной собственности распространится только на средства производства и предметы эксплоатаціи, такъ какъ здѣсь дѣло касается такихъ благъ, которыя приносятъ пользу въ теченіе продолжительнаго времени; передача ихъ въ частную собственность повлекла бы за собой экономическое превосходство имущихъ со всѣми гибельными его послѣдствіями. Напротивъ, когда рѣчь идетъ о предметахъ потребленія, составляющихъ экономическія блага, предназначенныя для отдѣльныхъ лицъ и имѣющихъ только косвенное отношеніе къ интересамъ общества, то въ этомъ случаѣ частная собственность можетъ быть попрежнему сохранена.

Это перенесеніе имущественныхъ правъ съ отдѣльныхъ личностей на болѣе или менѣе обширную группу можно считать характерной чертой соціалистической программы; благодаря ему, соціалистическая программа рѣзко отличается отъ стремленія

чисто-реформаторскихъ партій, стремящихся только къ улучшенію современнаго правопорядка съ сохраненіемъ всѣхъ его основъ.

Нѣкоторые соціалисты хотятъ подвергнуть такому-же преобразованію и учрежденія семейнаго права, особенно бракъ и правовыя отношенія между родителями и дѣтьми. Что касается брака, то соціалистическія предложенія и охватываютъ всѣ виды семейно-правовыхъ учрежденій, отъ легко расторгаемаго брака между однимъ мужчиной и одной женщиной и кончая свободной любовью и коммунальнымъ бракомъ, т. е. половымъ общеніемъ между всѣми мужчинами и женщинами болѣе или менѣе широкой общины *). Точно также, по мнѣнію многихъ соціалистовъ, вмѣсто воспитанія дѣтей въ семьѣ, слѣдуетъ ввести общественное воспитаніе на счетъ государства и государственныхъ союзовъ. Но такое преобразованіе семейнаго права вовсе не является характерной составной частью соціалистическихъ воззрѣній на государство; это вполнѣ понятно, такъ какъ въ области половой жизни при господствѣ единобрачія не встрѣчаются такія рѣзкія противорѣчія, какія существуютъ въ отношеніяхъ между богатыми и бѣдными. Напротивъ, именно благодаря такой формѣ половой жизни, создается нѣчто вродѣ демократическаго равенства между гражданами. Недостатки нашего семейнаго права нужно скорѣе искать въ области внѣбрачныхъ половыхъ отношеній **).

Такимъ образомъ, если видѣть сущность соціализма въ томъ, что носителями важнѣйшихъ имущественныхъ правъ являются не отдѣльныя личности, а болѣе или менѣе обширныя группы, то станетъ понятно, что экономическое равенство товарищей-гражданъ вовсе не является необходимымъ при соціалистическомъ общественномъ строѣ. Напротивъ, и въ соціалистическомъ государствѣ пользованіе различными благами можетъ быть распредѣлено между членами группы неравномѣрно, въ зависимости отъ положенія, которое данное лицо занимаетъ въ трудовой или общественной организаціи, отъ количества производимаго труда и отъ другихъ причинъ. Только тѣ различія въ экономическомъ положеніи, которыя въ современномъ обществѣ покоятся на частной собственности, должны были бы естественно, сами собой, исчезнуть вмѣстѣ съ уничтоженіемъ права собственоости на землю и на капиталъ.

Если допустить, что принципъ *равенства* былъ бы принятъ

*) См. А. Менгеръ. Организація государства будущаго. Гл. XII.

**) См. Менгеръ. Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen. (1890) Nr. 15.

въ соціалистическомъ общественномъ строѣ, тогда соціализмъ превратился бы въ *коммунизмъ*.

Такимъ образомъ, въ коммунистическомъ государствѣ не не только важнѣйшія имущественныя права распространяются на болѣе или менѣе обширныя общины но и распредѣленіе благъ между членами общины должно производиться равномѣрно, независимо отъ соціальнаго положенія ихъ. Конечно, полное равенство въ распредѣленіи матеріальныхъ и духовныхъ благъ никогда не могло бы быть достигнуто, вслѣдстіе естественныхъ различій между людьми; ни при какомъ общественномъ строѣ, напримѣръ, нѣтъ возможности давать одинаковую пищу грудному младенцу и взрослому человѣку или одинаковую одежду мужчинѣ и женщинѣ. Но вполнѣ мыслимо такое общественное устройство, при которомъ экономическое положеніе отдѣльныхъ лицъ не будетъ въ зависимости отъ соціальныхъ различій, которыя останутся также и при господствѣ соціализма, хотя положеніе личности въ общественной и трудовой организаціи и количество доставляемой ею работы не будутъ вліять на размѣръ получаемыхъ ею различныхъ благъ. Это отрицательное опредѣленіе коммунизма имѣетъ преимущество передъ воззрѣніемъ, защищаемымъ большинствомъ коммунистовъ, согласно которому въ коммунистическомъ государствѣ распредѣленіе средствъ потребленія должно регулироваться потребностями каждой отдѣльной личности, такъ какъ,—это можно съ полной увѣренностью предсказать,—ни при какомъ состояніи общества количество произведенныхъ средствъ потребленія не будетъ достаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей всѣхъ товарищей-гражданъ *).

Гораздо ближе къ современнымъ соціальнымъ условіямъ стоитъ идеалъ государства, который можно назвать соціалистическимъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь каждая личность получаетъ одинаковыя средства потребленія, но не въ одинаковомъ размѣрѣ, въ зависимости отъ положенія въ государственной и трудовой организаціи и отъ количества доставленнаго ею труда. Вмѣстѣ съ ограниченіемъ права собственности на предметы потребленія должно исчезнуть и неравенство, вызванное частной собственностью на землю и капиталъ и неразрывно связанное съ ними наслѣдственное право, которыя въ современномъ общественномъ строѣ являются наиболѣе важными и къ тому

*) За равномѣрное распредѣленіе средствъ потребленія между всѣми членами общины высказались слѣдующіе писатели: Морелли, Руссо, Мабли, Кондорсе, Бабефъ, Буонаротти, Годвинъ, Оуэнъ, Томпсонъ, Кабе, Дезами, Бланки, Дюрингъ, Бебель, Беллами.

же способны разрастаться до безконечности. Стремленіе людей къ улучшенію своего экономическаго положенія, являющееся теперь сильнѣйшимъ двигателемъ экономическаго прогресса, должно оказать свое вліяніе и на соціалистическій строй.

Въ виду того, что іерархическая организація общества, къ которой человѣчество въ теченіе тысячелѣтій привыкло въ политической и экономической сферахъ, также можетъ сохраниться въ измѣненныхъ формахъ и въ виду того, что этотъ идеалъ государства особенно пригоденъ, какъ переходная форма, которая должна подготовить постепенное устраненіе соціальныхъ недуговъ, то онъ и будетъ положенъ въ основаніе этой книги.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что противоположность между существующимъ общественнымъ строемъ и соціалистическимъ или даже коммунистическимъ не вполнѣ проведена, чтобы можно было точно опредѣлить границы этихъ двухъ главныхъ формъ государства. И въ самомъ дѣлѣ, уже и въ нашемъ отживающемъ государствѣ болѣе или менѣе широкія товарищества являются носителями имущественныхъ правъ; до извѣстной степени и экономическое равенство коммунизма въ современномъ государствѣ опредѣляется равенствомъ всѣхъ предъ закономъ. Современное общество таитъ въ себѣ противорѣчія, гораздо болѣе рѣзкія и непримиримыя, чѣмъ противорѣчіе между индивидуалистическимъ и соціалистическимъ государствомъ и, однако, это не дѣлаетъ невозможнымъ самое существованіе государства. Я только напомню о противоположности между вѣрой въ откровеніе и чисто опытнымъ міровоззрѣніемъ; не каждый мыслящій и праведный человѣкъ сумѣетъ перекинуть мостъ черезъ пропасть, раздѣляющую эти міровоззрѣнія.

Мы поэтому имѣемъ основаніе надѣяться, что введеніе правопорядка, служащаго интересамъ широкихъ массъ, можетъ быть вполнѣ осуществлено путемъ постепенныхъ реформъ, причемъ представится возможность избѣгнуть тѣ кровавые ужасы, которыми Ѳеодосій I, Карлъ Великій и испанская инквизиція укрѣпляли торжество христіанства въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ. Сторонники исторической теоріи права и государства уже на основаніи своего воззрѣнія должны считать осуществимымъ только такой медленный переходъ отъ одного міровоззрѣнія къ другому, хотя-бы и противоположному. Послѣдующее изложеніе докажетъ, что эту точку зрѣнія должны раздѣлять и защитники совершенно другихъ взглядовъ на основные вопросы права и государства.

V. Происхожденіе государства и права.

Передъ нами современное государство, обширное, сложное зданіе съ многочисленными башнями, балконами, потайными лѣстницами и подземными ходами, — зданіе, воздвигавшееся столѣтіями. Въ первомъ этажѣ живутъ дворянство, духовенство, войско и чиновничество, во второмъ—крупные представители торговли, промышленности и сельскаго хозяйства; третій этажъ занятъ духовными руководителями народа, учеными и художниками; въ чердачныя каморки загнаны огромныя массы рабочаго люда. Является вопросъ: какимъ-же образомъ возникло это страшное строеніе? Каковы были первоначальные планы его строителей?

Въ отвѣтъ на эти важные вопросы послѣднія столѣтія выдвинули двѣ главныхъ теоріи, получившихъ большое политическое значеніе, а именно: теорію исторической школы и школы естественнаго права. *) Воззрѣнія исторической школы на конечныя основы права и государства, вполнѣ понятно, признаются тѣми общественными кругами, которые, благодаря существующему правопорядку, пользуются привиллегіями и желали бы его сохраненія; прогрессивные же элементы, наоборотъ, съ давнихъ поръ обнаруживаютъ склонность къ теоріямъ естественнаго права.

Историческая школа полагаетъ, что право и государство —продуктъ народнаго духа, т. е. особыхъ духовныхъ свойствъ каждой націи. Поэтому существованіе права и государства не находится въ зависимости отъ индивидуальнаго произвола. Даже тогда, когда въ ходѣ историческаго развитія наряду съ обычнымъ правомъ возникаютъ законодательство и наука права,—и тогда задача послѣднихъ въ сущности заключается только въ опредѣле-

*) За хозяйственное *неравенство* высказываются: Мелье, Сенъ-Симонъ, Фурье, Луи Бланъ, Пеккеръ, Родбертусъ, Карлъ Марксъ (только гипотетически), Энгельсъ (очень неясно), Лассаль (въ его рѣчахъ и сочиненіяхъ, изданныхъ Бернштейномъ), Карлъ Каутскій (Эрфуртская программа), Вандервельде.

ніи и закрѣпленіи идеально существующаго народнаго права*). Съ историческимъ воззрѣніемъ обыкновенно связывается органическая теорія права и государства **). Сущность ея заключается въ томъ, что право и государство приравниваются къ животному или растительному организму, или сами разсматриваются, какъ особые духовные организмы. Право и государство, конечно, едва-ли имѣютъ болѣе близкое сродство съ органическими образованіями животнаго или растительнаго царства, чѣмъ съ любымъ сложнымъ явленіемъ, напр., съ машиной или съ какимъ-либо химическимъ соединеніемъ. Очевидно также, что о государственномъ и правовомъ порядкахъ, первоначально нами-же созданныхъ и ежедневно поддерживаемыхъ нашей волей, мы должны имѣть болѣе точныя знанія, чѣмъ объ образованіяхъ органическаго міра, внутренняя сущность которыхъ нами до сихъ поръ мало изслѣдована. Слѣдовательно, органическая теорія права и государства страдаетъ логической ошибкой: неизвѣстное или, вѣрнѣе, довольно запутанное она старается объяснить еще менѣе извѣстнымъ. Если, однако, эта теорія получила такое широкое распространеніе, и если нѣкоторые писатели провели параллель между духовными и физическими организмами въ своихъ обширныхъ трудахъ, то, очевидно, должны быть серьезные практическіе мотивы, обусловливающіе господство органической теоріи именно въ области право—и государствовѣдѣнія.

И дѣйствительно, эти причины существуютъ. Прежде всего слѣдствіемъ органической теоріи неизбѣжно является представленіе, что право и государство могутъ развиваться только медленно и въ направленіи соотвѣтственно существующему состоянію такъ же, какъ и физическіе организмы измѣняются не только по внѣшнему виду и постепенно. Но подобное представленіе опровергается коренными переворотами, имѣвшими мѣсто въ концѣ среднихъ вѣковъ съ принятіемъ римскаго права или въ концѣ истекшаго столѣтія, когда англійскій конституціонный строй, а также французское гражданское, уголовное, процессуальное и административное право были перенесены въ большинство европейскихъ странъ***). Тѣмъ не менѣе органическая теорія можетъ оказать большую поддержку сторонникамъ застоя или ея замѣтнаго прогресса.

*) Много теорій о сущности государства, съ которыми тѣсно связано ученіе о его происхожденіи, даетъ Еллинекъ. Право современнаго государства. М., 1903.

**) Менгеръ. Организація государства будущаго. Также Лиліенфельдъ, Шеффле, Гіерке.

***) Менгеръ. Переходъ къ народному рабочему государству въ Европѣ.

Особенно враждебно относится органическая теорія государства ко всякому соціальному развитію. Соціальный прогрессъ состоитъ въ перемѣщеніи политическихъ и экономическихъ функцій отдѣльныхъ классовъ и группъ народа. Но вѣдь каждому развивающемуся естественному организму законъ природы предназначилъ опредѣленныя неизмѣнныя функціи: функціи мозга никогда, напримѣръ, не перейдутъ къ рукамъ или нога не отниметъ пріятной функціи пищеваренія у желудка. Вполнѣ поэтому понятно, что образованные и имущіе классы, занимающіе въ современномъ обществѣ выгодное положеніе мозга и желудка, съ давнихъ поръ старались внушить своимъ согражданамъ органическую теорію права и государства. Напомню только о древнѣйшемъ представителѣ органической государственной теоріи, Мененіи Агриппѣ, который при первомъ уходѣ римскихъ плебеевъ на священную гору (въ 494 г. до Р. Х.) разсказалъ имъ, въ интересахъ патриціевъ, извѣстную притчу объ отдѣльныхъ членахъ тѣла, которые возмутились противъ всепожирающаго желудка, и вслѣдствіе этого, прежде всего, сами пострадали. Любопытно, что благодаря этому нелѣпому сравненію, возвращеніе плебеевъ подъ старое ярмо подчиненія *) было достигнуто.

Воззрѣнія школы *естественнаго права,* къ которой между прочимъ принадлежатъ и писатели, непосредственно предшествовавшіе французской революціи,—совершенно противоположны.**) По этимъ воззрѣніямъ государство—продуктъ договора гражданъ объ основаніи государственнаго сообщества. Эти отношенія сохраняются и при дальнѣйшемъ развитіи государства, созданнаго произвольно; точно также и законодательство, хотя оно и не можетъ отрѣшиться отъ вліянія фактическихъ отношеній, покоится на свободной волѣ законодателя, а сами законы должны разсматриваться, какъ выраженіе общей воли согражданъ.

Какъ историческая, такъ и естественно - правовая теорія происхожденія государственнаго и правового порядка, образовались преимущественно подъ вліяніемъ господствующихъ классовъ, хотя естественному праву такъ часто приписывается революціонный характеръ***). Съ нѣкоторымъ успѣхомъ оба эти воззрѣнія могутъ быть распространены на тѣ государственно-правовые элементы нашего правопорядка, въ которыхъ образованные и имущіе классы общества принимаютъ несравненно большее уча-

*) Ливій II. 32.

**) Наиболѣе вліятельнымъ изъ произведеній этого рода является, несомнѣнно, «Общественный договоръ» Руссо. (1762).

***) Ср. Менгеръ. Гражданское право и неимущіе классы.

стіе, чѣмъ бѣднѣйшіе слои населенія, такъ какъ послѣдніе должны прежде всего домогаться обезпеченія своего экономическаго положенія и своей семейной жизни, а на завоеваніе господствующаго положенія въ государствѣ могутъ смотрѣть только, какъ на средство достигнуть эти важныя жизненныя цѣли (см. III главу). И такъ какъ государственно-правовые вопросы имѣютъ только самое косвенное значеніе для широкихъ массъ народа, не имѣющихъ возможности принимать въ управленіи государствомъ личное участіе, то старые и новые писатели довольно часто могли принимать самыя враждебныя для народа государственныя формы за продуктъ народнаго духа или же основывать ихъ на согласіи всего народа, выраженномъ или молчаливомъ.

Въ дѣйствительности обѣ эти теоріи никогда не удавалось примѣнять къ частному праву, въ которомъ заинтересованъ весь народъ, а не одни узкіе общественные круги, и въ границахъ котораго почти исключительно течетъ скромная жизнь широкихъ народныхъ массъ. Уже частная собственность, центральный пунктъ всего частнаго права, исключаетъ возможность разсматривать частно-правовыя нормы, какъ продуктъ духа или воли всей націи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ возникнуть изъ духа цѣлаго народа частно-правовая норма, поддерживающая узкую группу на счетъ огромнаго большинства? И какъ можно согласиться съ тѣмъ, что это огромное большинство обиженныхъ закономъ дало свое согласіе, выраженное или молчаливое, на тѣ гнетущія привиллегіи, которыя отдѣляютъ людей отъ людей? Вотъ почему теорія, служащая не интересамъ, а фактамъ, не можетъ признать нашъ правовой и общественный строй продуктомъ воли всей націи, а вынуждена признать, что этотъ строй первоначально возникъ путемъ насилія, въ интересахъ узкихъ круговъ населенія, да и въ настоящее время, въ своихъ существенныхъ частяхъ, покоится на отношеніяхъ, основанныхъ на силѣ.

Это воззрѣніе при анализѣ государственнаго и общественнаго строя подтверждается, хотя многочисленные договорные, наслѣдственные и другіе переходы права очень часто и затемняютъ память о происхожденіи его изъ отношеній, основанныхъ исключительно на силѣ. Въ Англіи, напримѣръ, гдѣ развитіе права претерпѣло меньше переворотовъ, чѣмъ на материкѣ, еще теперь можно прослѣдить источникъ значительной доли публичнаго и частнаго права въ норманнскомъ завоеваніи. И, вообще, на всемъ европейскомъ материкѣ и границы государства, и права владѣтельныхъ особъ, и распредѣленіе земли и другихъ благъ,— все явилось результатомъ войнъ, революцій, политическихъ переворотовъ или вытекавшаго отсюда отношенія силъ. И во всѣхъ

странахъ, какъ бы различно ни было ихъ правовое развитіе, еще и въ настоящее время въ защиту самаго незначительнаго традиціоннаго права при необходимости вооружается вся административная и военная сила государства.

На болѣе высокихъ ступеняхъ развитія народа большая часть перемѣнъ въ правопорядкѣ, конечно, совершались не мечемъ, а законодательствомъ. Но, во первыхъ, эти мирныя преобразованія правового строя, большей частью, очень незначительны, особенно въ области частнаго права, этой важнѣйшей области правопорядка; здѣсь законодательство, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, ограничивалось только тѣмъ, что санкціонировало, съ нѣкоторыми ограниченіями, сложившееся соотношеніе силъ. А во вторыхъ, само законодательство представляетъ изъ себя только мячъ, которымъ играютъ соціальныя силы, предписывая ему содержаніе законовъ въ опредѣленныхъ рамкахъ и предоставляя ему въ мирныя времена свободу развѣ въ декоративныхъ формахъ правопорядка.

Эти соображенія могутъ объяснить странную форму современнаго государственнаго зданія. Не планъ одного строителя, предусмотрѣвшаго всѣ отношенія, а произволъ и самовластіе отдѣльныхъ обитателей опредѣлили его форму. И такое стихійное происхожденіе относится къ важнѣйшей части нашего правопорядка, къ частному праву. Здѣсь государство и по сей день предоставляетъ почти все свободной игрѣ индивидуальныхъ силъ. А историческій опытъ учитъ тому, что и въ прошломъ государство не могло, да и не хотѣло, измѣнить гибельное направленіе, которое правовое развитіе часто принимало. Напротивъ публичное право уже теперь имѣетъ преимущественно рефлективный характеръ, такъ какъ конституціи большинства культурныхъ государствъ создались не какъ результатъ вѣковой исторической борьбы, а на основѣ теорій государственнаго права по иностраннымъ образцамъ, подъ вліяніемъ революцій, государственныхъ переворотовъ и другихъ событій, внезапно измѣнившихъ въ государствѣ соотношеніе силъ.

На мѣсто произвольно развившагося права во всѣхъ областяхъ должно выступить право осознанное; при этомъ, какъ только въ государствѣ исчезнутъ отношенія, основанныя на силѣ, благо широкихъ народныхъ массъ должно служить сознанію путеводной звѣздой. Правда, во многихъ конституціяхъ благо народа выставляется, какъ высшая задача государства, но поскольку эти конституціи ясно предписываютъ или хотя бы предполагаютъ неприкосновенность гражданскаго права, цѣль ихъ, въ границахъ современнаго государственнаго строя, можетъ быть

достигнута въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Только когда смѣшанная груда обломковъ гражданскаго права, принесенная къ намъ потокомъ тысячелѣтій, будетъ превращена критикой и сознаніемъ въ зданіе, удобное для жизни всѣхъ,—только тогда можно будетъ по истинѣ сказать, что цѣлью права и государства является благо всего народа.

VI. Международныя отношенія государствъ.

Одной изъ наиболѣе темныхъ сторонъ современнаго соціальнаго уклада, пожалуй, являются формы международныхъ отношеній. Во внутренней жизни государства истинное положеніе вещей еще скрывается отъ непривычнаго взгляда за разными декоративными учрежденіями; въ международныхъ же отношеніяхъ на первый планъ выступаетъ исключительное значеніе соотношенія силъ. Отдѣльныя государства живутъ въ непрерывной борьбѣ, которая во время войны ведется съ помощью силы, а въ мирное время — хитростью. Все то, что въ частной жизни клеймится и считается позорнымъ,—здѣсь разрѣшается, и тотъ, кто лучше другихъ перехитритъ или осилитъ иностранныя государства во благо своей родины,—тотъ считается великимъ государственнымъ мужемъ.

Отраженіе такихъ внѣшнихъ отношеній въ психической жизни народа и есть любовь къ отечеству, или патріотизмъ. Онъ заключается въ чувствѣ преданности отдѣльнаго индивидуума личнымъ и политическимъ интересамъ правителей, а часто и въ чувствѣ симпатіи къ странѣ и народу. Съ потерей правительствомъ власти, исчезаетъ и связанный съ нею патріотизмъ, чтобы уступить мѣсто чувству преданности интересамъ новаго господина. Въ свое время единственно признанныя формы патріотизма —патріотизмъ тосканскій, папскій, неаполитанскій—въ наше время носитъ дурно звучащее названіе регіонализма. Точно также симпатіи къ нѣкогда суверенным государствамъ — Ганноверу, Кургессену, Нассау и Франкфурту — въ наше время называются партикуляризмомъ. Даже баварская, вюртембергская и баденская любовь къ отечеству начинаетъ видимо терять свое значеніе по мѣрѣ того, какъ властители этихъ государствъ начинаютъ уступать свои суверенныя права Германіи. Вообще, если бы кто-нибудь въ настоящее время задумалъ перенести свой патріотизмъ на одно изъ нѣмецкихъ государствъ, соединенныхъ имперскимъ депутатскимъ собраніемъ (1803), то былъ бы признанъ глупцомъ и осмѣянъ общественнымъ мнѣніемъ. А вѣдь еще совсѣмъ не-

далеко то время, когда правительства этихъ крошечныхъ государствъ въ своей дѣятельности не имѣли другой цѣли, кромѣ раздуванія патріотизма и любви къ «отечеству» и властителямъ.

Идеалъ патріотизма былъ бы, очевидно, достигнутъ только въ томъ случаѣ, если бы государство состояло исключительно изъ одного народа, одной національности, имѣющей одну религію, и вмѣщало бы въ свои предѣлы цѣликомъ весь народъ. Въ такомъ случаѣ преданность властелину была бы скрыта симпатіей къ странѣ и народу. Но этого идеала ни одно изъ существующихъ государствъ, разумѣется, не достигло. Большая часть современныхъ государствъ состоитъ изъ разныхъ народовъ, раздѣленныхъ, ктому же, религіей и соединенныхъ съ осколками другихъ націй, благодаря случайностямъ войны или капризамъ дипломатіи.

Раньше, приблизительно до эпохи просвѣщенія, единство религіи всего населенія считалось главной основой патріотизма и созданія государства. Еще въ настоящее время это имѣетъ мѣсто на Востокѣ, гдѣ, напримѣръ, православные сербы и католическіе кроаты, образующіе по языку и происхожденію одинъ народъ, создали, однако, особыя и почти всегда противоположныя другъ другу формы народнаго патріотизма съ совершенно различными государственными идеалами. Напротивъ, въ Западной Европѣ, главнымъ образомъ благодаря покоренію многихъ націй Наполеономъ I, въ настоящее время самой прочной основой государства считается единство національности.

Изъ сказаннаго ясно слѣдуетъ, что патріотизмъ коренится не въ глубинѣ человѣческой природы, а напротивъ, представляетъ изъ себя явленіе искусственное, исторически обусловленное. Но было бы большой ошибкой предполагать, что въ опредѣленный историческій моментъ всѣ классы народа въ одинаковой степени патріотичны. Напротивъ, любовь къ отечеству обусловливается еще и соціальнымъ положеніемъ отдѣльныхъ классовъ населенія, у которыхъ интенсивность патріотическаго чувства достигаетъ той или другой степени, въ зависимости отъ того, болѣе или менѣе тѣсно связаны ихъ интересы съ интересами государства.

Понятно, что сильнѣе всего патріотизмъ развитъ у тѣхъ слоевъ населенія, которые живутъ въ первомъ этажѣ государственнаго зданія, т. е. у дворянства, духовенства, войска и чиновничества (см. V гл.). Эти классы населенія почти всегда тѣсно связаны съ правительствами и самое ихъ существованіе въ большей или меньшей степени зиждется на этой связи. Поэтому ихъ патріотизмъ заключается въ вѣрности правителямъ, а симпатія къ странѣ и народу отступаетъ на задній планъ. Эта вѣрность, покоящаяся на общности интересовъ, иногда сохраняется и послѣ

потери правителями власти, но до тѣхъ поръ, однако, пока не исчезнетъ надежда на возвращеніе прежняго правительства или пока новый господинъ не предложитъ бо́льшія и вѣрнѣйшія выгоды, чѣмъ первый.

Совершенно другой характеръ носитъ патріотизмъ среднихъ сословій (городского и крестьянскаго), особенно если они обладаютъ болѣе или менѣе высокимъ духовнымъ развитіемъ. Здѣсь обыкновенно отсутствуетъ всякая связь съ правителями, и на первый планъ выдвигается сознаніе своего культурнаго единства, выражающагося, главнымъ образомъ, въ общности языка, литературы и искусства. Поэтому патріотизмъ среднихъ сословій заключается преимущественно въ симпатіи къ странѣ и народу; личность-же правителя для нихъ большей частью безразлична, если только не затрагиваетъ ихъ религіозныхъ и національныхъ чувствъ. Но и здѣсь, конечно, средніе классы, вслѣдствіе присущей имъ политической несамостоятельности, часто подпадаютъ подъ вліяніе привиллегированныхъ классовъ и защищаютъ ихъ интересы.

Въ третьихъ, наконецъ, что касается бѣднѣйшихъ классовъ народа, то въ большинствѣ случаевъ у нихъ отсутствуетъ и общая связь съ правителями и общность культуры съ народомъ и страной. Ихъ жалкое существованіе почти всегда протекаетъ въ непрерывной изнурительной борьбѣ, въ обычной экономической нуждѣ, которыя не оставляютъ мѣста еще для отдаленныхъ политическихъ цѣлей. А само государство, которому эти слои населенія должны приносить свои жертвы, въ теченіе тысячелѣтій только получало отъ нихъ, что̀ можно было, ничего не давая имъ взамѣнъ. Только нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ оно начало интересоваться экономической жизнью бѣдняковъ. И война, въ которой дѣятельность патріотическаго военнаго государства находитъ свое высшее выраженіе, въ этомъ отношеніи такъ же односторонне раздѣляетъ свои дары, какъ и миръ: въ то время, какъ счастливый полководецъ, которому часто доставляетъ побѣду только случай, достигаетъ почти сверхчеловѣческихъ почестей героя, а подчиненные ему офицеры получаютъ крупныя выгоды и почести,—въ это самое время массы, дѣйствительно приносящія войнѣ ужасныя жертвы, устраняются отъ всякаго вознагражденія уже въ силу одной своей численности.

Изъ такого положенія вещей естественно вытекаетъ, что патріотизмъ бѣднѣйшихъ классовъ народа въ современномъ государствѣ сравнительно слабъ и что для этихъ классовъ имѣютъ очень небольшое значеніе измѣненія въ соотношеніи силъ отдѣльныхъ государствъ, воздѣйствія на которыя составляетъ цѣль внѣшней и внутренней политики. Положительная сторона такого

взгляда на государство заключается въ томъ, что рабочіе классы послѣ объединенія монархіей крошечныхъ государствъ конца среднихъ вѣковъ въ большія національныя государства, идутъ дальше: они стремятся связать эти большія государства въ одно огромное міровое государство, которое объединило бы всѣ культурные народы.

Всѣ эти взгляды и стремленія, вытекающія изъ соціальнаго положенія рабочихъ классовъ народа, нашли полное и вѣрное отраженіе въ соціалистической литературѣ. Рѣшительныя антипатіи ко всякимъ національнымъ и государственнымъ различіямъ, особенно если они выражаются въ формѣ враждебныхъ противорѣчій, а также антипатія къ чувствамъ, лежащимъ въ основѣ этихъ различій, являются старой традиціей соціализма.

Такъ, уже Сенъ-Симонъ высмѣиваетъ моралистовъ, порицающихъ индивидуальный эгоизмъ и, наоборотъ, возводящихъ на пьедесталъ національный эгоизмъ, т. е. патріотизмъ, какъ добродѣтель. Исходя изъ этого, Сенъ-Симонъ въ сочиненіи, опубликованномъ Тьерри въ 1814 г., проектируетъ общеевропейскій парламентъ, который долженъ состоять, по англійскому образцу, изъ двухъ палатъ—палаты общинъ и палаты перовъ и долженъ поставить себѣ цѣлью улаживать конфликты между отдѣльными правительствами и націями. Въ сочиненіи этомъ Сенъ-Симонъ не останавливается на подробной характеристикѣ полномочій носителя этой исполинской власти въ громадномъ политическомъ учрежденіи; онъ обѣщаетъ посвятить этому чрезвычайно сложному вопросу свои позднѣйшія произведенія. Общій французско-англійскій парламентъ, въ которомъ англичанамъ были бы предоставлены двѣ трети голосовъ, долженъ былъ явиться подготовительнымъ для европейскаго парламента.

Эти мысли своего основателя школа Сенъ-Симона развила шире. Въ манифестѣ, выпущенномъ Базаромъ и Анфантеномъ вслѣдъ за іюльской революціей, рекомендуется, чтобы объединенные народы, или даже все человѣчество, когда-нибудь составили только *одинъ* народъ и чтобы мѣсто ограниченныхъ и враждебныхъ другъ другу государственныхъ союзовъ нашего времени занялъ одинъ союзъ всего человѣческаго рода, чтобы война навсегда исчезла съ лица земли и чтобы, наконецъ, любовь ко всему человѣчеству заняла мѣсто патріотизма, который есть ничто иное, какъ національный эгоизмъ.

Подобные взгляды защищаютъ также Фурье и его школа. По мысли Фурье, вся земля должна покрыться фаланстерами или соціалистическими общинами. Во главѣ каждой общины долженъ стоять унархъ или баронъ. Каждыя три или четыре фаланстеры

управляются дуархомъ или вице-контомъ, каждыя двѣнадцать—тріархомъ или контомъ (графомъ), и т. д. черезъ рядъ возвышающихся ступеней, вплоть до омніарха, который управлялъ бы изъ Константинополя всѣми іерархически-организованными фаланстерами земного шара.

И Оуэнъ, также исходившій изъ общиннаго соціализма, какъ и Фурье, полагалъ съ помощью разростающихся федерацій соціалистическихъ общинъ достигнуть міровой республики.

У Пьера Леру еще болѣе, чѣмъ у Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна, объединеніе человѣческаго рода является центральнымъ пунктомъ всей соціальной системы; однако, вопросъ относительно учрежденій, посредствомъ которыхъ это объединеніе должно осуществиться,—онъ разрѣшаетъ неясно.

Хотя далеко не всѣ соціалистическіе писатели затрагиваютъ вопросъ о международныхъ отношеніяхъ, однако, едва-ли можно найти между ними хоть *одного*, который держался бы строго-соціалистической точки зрѣнія; это, впрочемъ, вполнѣ естественно, въ виду того положенія, которое рабочій классъ занялъ по отношенію къ этому вопросу. Національныя тенденціи въ современномъ смыслѣ этого слова приписываются развѣ одному Лассалю, да и то онѣ больше замѣчаются въ его политическихъ рѣчахъ и брошюрахъ, чѣмъ въ позднѣйшихъ соціально-политическихъ сочиненіяхъ*). Нѣкоторые изъ его послѣдователей, напримѣръ, Швейцеръ, въ статьяхъ о Бисмаркѣ, напечатанныхъ въ «Соціалъ-Демократѣ» за 1865 г., стояли на національной точкѣ зрѣнія; это обстоятельство, впрочемъ, въ связи съ другими причинами, повлекло за собою отпаденіе интернаціональной фракціи, которою руководили Марксъ и Энгельсъ**).

Марксъ и Энгельсъ, примыкавшіе къ старымъ традиціямъ соціализма, всегда держались интернаціональной точки зрѣнія. Изданный ими въ февралѣ 1848 г. коммунистическій манифестъ даже оканчивается призывомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь». Основанная въ 1864 г. «Международная ассоціація рабочихъ», какъ уже показываетъ само названіе ея, покоилась на строго интернаціональной идеѣ. Согласно ея уставу, эмансипація рабочихъ классовъ—задача не мѣстная и не національная, а соціальная и общая для всѣхъ странъ, въ которыхъ господствуетъ

*) Срав. особенно брошюру Лассаля: Итальянская война и задача Пруссіи (1859) въ изданныхъ Бернштейномъ рѣчахъ и сочиненіяхъ Лассаля, т. I (1892) и письма Лассаля къ Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу съ прим. Меринга (въ рус. изд. 1905), а также Sombart. Sozialismus und soziale Bewegung im 19 Jahrhundert (1896) 4 Aufl (1901).

**) Mehring. Geshichte der deutschen Sozialdemokratie. B. 2 (1898).

современный общественный строй; рѣшеніе этой задачи находится въ зависимости отъ теоретическаго и практическаго воздѣйствія наиболѣе прогрессивныхъ странъ. Въ соотвѣтствіи съ этими принципами организація «Интернаціонала» и носила ярко выраженный международный характеръ.

Съ тѣхъ поръ интернаціональныя тенденціи соціализма настолько общепризнаны, что нѣтъ надобности подкрѣплять ихъ историческимъ обзоромъ ихъ развитія. Только одна небольшая группа нѣмецкихъ соціалистовъ, съ пасторомъ Науманомъ во главѣ, пыталась вмѣстить соціалистическіе идеалы съ требованіями патріотическо-военнаго государства; но и эта партія въ 1903 г. распалась.

Въ этой противоположности между патріотическимъ военнымъ государствомъ и интернаціональными стремленіями бѣдныхъ народныхъ классовъ я усматриваю очень важный моментъ, неудержимо толкающій культурный міръ XX вѣка на встрѣчу катастрофамъ. Прогрессивный ростъ военныхъ требованій и идущаго рядомъ съ ними полицейскаго гнета революціонировали во всей Европѣ низшіе классы народа гораздо больше, чѣмъ развитіе капиталистическаго способа производства, въ которомъ многіе экономическіе соціалисты готовы видѣть главную причину возникновенія революціоннаго соціализма. Въ національныхъ военныхъ государствахъ самымъ здоровымъ пролетаріямъ въ лучшую пору ихъ жизни прививается убѣжденіе, что они должны во время войны и мира жертвовать ради отдаленныхъ интересовъ государства личнымъ благомъ, между тѣмъ, какъ пониманіе и правильная оцѣнка развивающихся экономическихъ формъ мало доступны широкимъ народнымъ массамъ. И поэтому, тамъ, гдѣ военный и полицейскій гнетъ отсутствуетъ (напр. въ Англіи), даже столѣтнее развитіе капиталистическаго способа производства не можетъ выдвинуть хоть сколько нибудь значительной соціалистически-революціонной рабочей партіи.

Этотъ контрастъ въ существенныхъ чертахъ установился только въ XIX вѣкѣ. Еще въ XVIII вѣкѣ монархи вели свои войны съ помощью завербованныхъ профессіональныхъ войскъ, не прибѣгая, по крайней мѣрѣ въ обычныхъ случаяхъ, къ помощи пролетаріата. Тогда еще были достаточно благоразумны для того, чтобы не довѣрять охраны государственнаго строя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ тѣмъ, кто больше заинтересованъ въ переворотѣ, чѣмъ въ сохраненіи государственнаго порядка. Всеобщая воинская повинность впервые была введена революціонной демократической Франціей въ періодѣ наивысшаго революціоннаго возбужденія. Несмотря на различныя политическія и соціальныя условія, Пруссія и другія аристократичес-

кія государства Западной Европы впослѣдствіи переняли эту систему. А въ современныхъ государствахъ военные круги, помѣшавшіеся на цифрахъ, безудержно стремятся къ увеличенію огромныхъ пролетарскихъ войскъ и развѣ только тогда остановятся, когда соберутъ въ арміи весь пролетаріатъ, способный къ труду. Но какъ дознано опытомъ, тотъ, кто носитъ мечъ, въ концѣ-концовъ, поднимаетъ его въ защиту *своихъ* политическихъ и соціальныхъ интересовъ. Поэтому окончательное торжество народнаго рабочаго государства можно считать рѣшеннымъ, хотя сложившіеся военные порядки могутъ еще долго поддерживать старый строй.

Какимъ-же образомъ, спрашивается, можно осуществить идею всемірнаго государства? При современныхъ государственныхъ отношеніяхъ этотъ идеалъ, конечно, можетъ быть осуществленъ только завоеваніемъ всего міра. Но до сихъ поръ это еще никому не удавалось. Мирнымъ путемъ правительства современныхъ государствъ, считающія мечъ надежной опорой права, никогда не подчинятся въ важныхъ государственныхъ вопросахъ требованіямъ иностранной власти. Неоднократно выдвигавшіеся въ XVIII и XIX вв. планы уничтожить войну путемъ соглашенія культурныхъ государствъ или учрежденія всемірной политической республики—совершено непримѣнимъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ международныхъ вопросовъ. Опытъ показалъ, что только маловажные международные конфликты, не задѣвающіе непосредственно чести и существованія націи, могутъ быть успѣшно разрѣшены третейскимъ разбирательствомъ. Поэтому объ основаніи всемірнаго государства съ преобладающими экономическими задачами можно будетъ только тогда думать, когда осуществится народное рабочее государство, въ которомъ вопросы о силѣ отойдутъ на задній планъ, уступивъ мѣсто государственной дѣятельности, направленной къ достиженію экономическихъ цѣлей.

Но возникновеніе такого всемірнаго государства можетъ явиться слѣдствіемъ прогрессивнаго развитія многихъ экономическихъ учрежденій международнаго характера, и нельзя думать, что оно явится сразу, какъ слѣдствіе свободнаго рѣшенія участниковъ. Хорошимъ прообразомъ такого учрежденія въ настоящее время являются различныя международныя учрежденія, уже теперь охватывающія весь культурный міръ, какъ, напримѣръ, международный телеграфный союзъ (основ. въ 1865 г.), всемірный почтовый союзъ (1874), международныя государственныя сообщества для охраны промышленной, литературной и художественной собственности (1883, 1886) и проч.

VII. Индивидуалистическое насильственное государство и народное рабочее государство.

Общественное благо, какъ понимаемая въ общемъ смыслѣ цѣль государственной дѣятельности, оказывается всегда личной или политической цѣлью господствующихъ. Слѣдовательно, если представить себѣ, что движущая сила въ государствѣ—низшіе народные классы, то, естетственно, и цѣли государства должны кореннымъ образомъ измѣниться. Такая перемѣна, понятно, главнымъ образомъ, коснется фактовъ, а не понятій, такъ какъ уже въ настоящее время теоретики опредѣляютъ высшей цѣлью государства народное благо; эта цѣль подтверждается даже многими конституціями. Но и въ этомъ и во многихъ другихъ случаяхъ теорія и законодательство смѣшиваютъ интересы узкихъ общественныхъ круговъ съ благомъ всего народа.

Главнѣйшее различіе, заключающееся въ различныхъ типахъ государствъ въ зависимости отъ ихъ цѣли,—имѣющее, впрочемъ, болѣе отношенія къ будущему, чѣмъ къ настоящему—это противоположность между государствомъ индивидуалистическимъ, основаннымъ на силѣ, важнѣйшая форма котораго патріотическо-военная, и народнымъ рабочимъ государствомъ, къ осуществленію котораго стремятся во всѣхъ государствахъ низшіе классы народа. Мы имѣемъ передъ собой насильственное государство, если государственная дѣятельность его направлена къ поддержанію установленныхъ соціальныхъ отношеній и защитѣ ихъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ*). Народное рабочее госу-

*) Теоріи возникновенія государства изъ соотношенія силъ, опредѣляющія настоящей его цѣлью сохраненіе этихъ отношеній, издавна въ цѣломъ или частями защищалась и не соціалистическими писателями, напр. въ древности—позднѣйшими софистами, въ новое время—Маккіавелл (который, впрочемъ, по своему обыкновенію, не даетъ абстрактной теоріи), затѣмъ—Гоббсомъ, Спинозой и Галлеромъ. Поскольку соціалистическіе писатели касаются этого вопроса, они большей частью являются приверженцами теоріи силы. Вообще, каждая революціонная теорія уже сама по себѣ стоитъ на точкѣ зрѣнія этой теоріи, такъ какъ пытается преобразовать существующій государственный и общественный строй путемъ народнаго возстанія, т. е. внезапнымъ измѣненіемъ въ соотношеніи силъ.

дарство, напротивъ, главнымъ образомъ, стремится организовать духовный и физическій трудъ и распредѣлить плоды труда соотвѣтственно интересамъ всего народа. Это различіе, однако, относится только къ основному направленію государственной дѣятельности, такъ какъ уже и въ настоящее время индивидуалистическое насильственное государство, до нѣкоторой степени также принялось за организаціи экономическихъ отношеній; съ другой стороны, существующее соотношеніе силъ войдетъ въ число задачъ и народнаго рабочаго государства.

Всѣ существующія теперь государства, по самому характеру своему, принадлежатъ, конечно, къ типу государствъ, основанныхъ на власти и силѣ, даже въ томъ случаѣ, если это государства не военныя, какъ, напримѣръ, Англія, Сѣверо-Американскіе Штаты и Щвейцарія. Ихъ дѣятельность направлена почти исключительно къ сохраненію существующаго соотношенія силъ. Но чѣмъ выше соціальный рангъ властелина, тѣмъ больше жертвъ долженъ принести народъ для охраненія и расширенія его полномочій.

Современныя государства считаютъ своей важнѣйшей задачей укрѣпленіе власти господствующихъ и, гдѣ возможно, расшеніе ея путемъ завоеваній. Поэтому всѣ государства тратятъ значительную часть своихъ доходовъ на содержаніе арміи и флота и на уплату процентовъ по военнымъ займамъ. Правда, эти громадныя жертвы ради цѣлей, чуждыхъ народнымъ массамъ, часто стараются оправдать необходимостью охраны государства отъ вторженія внѣшнихъ враговъ; но взаимныя угрозы государствъ —явленіе въ высшей степени искусственное, долженствующее окончательно исчезнуть, какъ только народное рабочее государство прочно и надолго утвердится и оттѣснитъ военные конфликты на задній планъ; поэтому можно не безъ основанія думать, что военные расходы дѣлаются, главнымъ образомъ, въ интересахъ господствующихъ классовъ. А для поддержанія внутренняго порядка требуется такая незначительная военная сила, что о ней нечего распространяться.

Подобно тому, какъ интересы властителей охраняются дипломатіей, войскомъ и флотомъ, интересы имущихъ классовъ охраняются администраціей и юстиціей. На обязанности послѣднихъ лежитъ поддержаніе правопорядка между самими имущими классами, особенно—противъ неимущихъ. Кромѣ того, они преслѣдуютъ еще и нѣкоторыя побочныя цѣли, охраняя, напримѣръ, жизнь и тѣлесную неприкосновенность всѣхъ гражданъ. Такимъ образомъ, администрація и юстиція, это—та-же армія, которую держатъ имущіе классы для охраны своей силы. И вполнѣ по-

нятно давнишнее пристрастіе буржуазіи къ этимъ учрежденіямъ, какъ понятно и то, что монархъ и дворянство являются защитниками военной силы. Отдѣльныя представительства буржуазнаго либерализма даже зашли такъ далеко, что считали единственной цѣлью государства правовую защиту. Лассаль имѣлъ полное право высмѣять эту идею, когда сравнилъ государство съ ночнымъ сторожемъ.

Нѣтъ ничего несправедливѣе и одностороннѣе, чѣмъ взгляды нѣкоторыхъ писателей, напримѣръ, Дюнойе (Dunoyer) и Спенсера; они съ буржуазнымъ пристрастіемъ выставляютъ правовое или, вѣрнѣе, судебное государство, само по себѣ, впрочемъ, никогда и нигдѣ не существовавшее,—убѣжищемъ индивидуальной свободы. Скорѣе уже анархизмъ можетъ утверждать, что его общественный строй покоится на принципѣ индивидуальной свободы, такъ какъ анархизмъ съ одной стороны кладетъ въ основу всей политической и экономической жизни свободный договоръ товарищей, а съ другой—предоставляетъ защиту правъ, вытекающихъ изъ этихъ договоровъ, свободной иниціативѣ участниковъ, вовсе устраняя государственную судебную помощь.

Правовое или судебное государство, напротивъ, предоставляетъ имущимъ и неимущимъ свободу договоровъ въ экономической жизни, разсчитывая заранѣе на пораженіе въ возникшей борьбѣ того, кто по своему имущественному положенію или образованію остался позади. Но какъ только рѣчь идетъ объ осуществленіи договорныхъ формъ и какъ только положеніе неимущихъ, естественно, становится болѣе благопріятнымъ,—выступаетъ впередъ государственная сила съ гражданскимъ, а часто и уголовнымъ или полицейскимъ принужденіемъ. Коротко сказать, въ судебно-правовомъ государствѣ, признающемъ за договоромъ обязательную силу и не считающемся съ вліяніемъ общественныхъ условій на содержаніе договора,—въ такомъ гусударствѣ принципъ индивидуальной свободы имѣетъ значеніе только до тѣхъ поръ, пока онъ не выгоденъ массамъ.

Всѣ учрежденія, которыя по самому характеру своему служатъ насильственнымъ цѣлямъ привиллегированныхъ круговъ,—дипломатія, войско, флотъ, юстиція, администрація и финансовое вѣдомство—привлекаютъ почти все вниманіе современнаго государства; экономическая дѣятельность государства на ряду съ этимъ имѣетъ ничтожное значеніе. Это обнаруживается особенно ясно, если обратить вниманіе на тѣ экономическія мѣропріятія государства, которыя служатъ интересамъ широкихъ массъ народа и которыя, поэтому, имѣютъ основаніе остаться и въ народномъ рабочемъ государствѣ. Къ числу учрежденій, не связанныхъ

непосредственно съ преходящими, основанными на силѣ отношеніями, которыя поэтому, — правда съ реформированнымъ содержаніемъ, — переживутъ современное государство, прежде всего, слѣдуетъ отнести пути сообщенія, учебныя и медицинскія учрежденія и страхованіе рабочихъ. Въ высшей степени характерно для современнаго насильственнаго государства, что осуществленіе такихъ дѣйствительно культурныхъ задачъ оно въ большинствѣ случаевъ передаетъ обществамъ и другимъ подобнымъ учрежденіямъ, оставляя за собою только общій контроль.

Если спросить, въ какомъ-же соотношеніи будутъ находиться различные элементы государственной дѣятельности въ народномъ рабочемъ государствѣ, то отвѣтъ будетъ такой: культурныя задачи будутъ играть главную роль, а вопросы власти—подчиненную, второстепенную. Если представить себѣ уже осуществленнымъ всемірное экономическое государство, въ которомъ интересы рабочихъ классовъ будутъ двигательной пружиной, то международное соревнованіе и служащій ему огромный дипломатическій и военный аппаратъ должны постепенно исчезнуть. А благодаря экономическому сближенію всѣхъ классовъ, важнѣйшій источникъ внутреннихъ конфликтовъ изъ-за власти, изсякнетъ. Тогда народное рабочее государство должно опредѣлить цѣль своей дѣятельности, которую рекомендовалъ для своего идеальнаго государства Сенъ-Сименъ, такъ часто занимающійся, правда, подъ другими названіями, противорѣчіемъ между насильственнымъ государствомъ и рабочимъ государствомъ (Le système industriel). Полемизируя противъ французской хартіи Людовика XVIII, онъ предлагаетъ провозгласить первой статьей новой французской конституціи тотъ принципъ, что цѣль французскаго государства заключается въ доставленіи блага его гражданамъ путемъ организаціи дѣйствительно полезнаго мирнаго труда.

Конечно, нельзя не сознаться, что противорѣчіе между культурными цѣлями и цѣлями власти скрываетъ въ себѣ огромную опасность и для народнаго рабочаго государства. Исторія показываетъ, что даже несомнѣнно демократическія учрежденія часто подвергались такой судьбѣ, что изъ нѣдръ народныхъ массъ подымался классъ, почему либо выдвинутый, и очень скоро—такова уже человѣческая природа!—проникался жаждой власти и господства. Такъ, напримѣръ, христіанство, первоначально чисто демократическая организація, ставило себѣ цѣлью удовлетвореніе религіозныхъ потребностей своихъ сочленовъ. Но когда преемники Константина I въ IV вѣкѣ объявили въ Римской имперіи христіанство господствующей религіей, то въ развившейся

за это время церковной іерархіи скоро пробудились стремленія къ власти, которыя стали постепенно оттѣснять, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ сферахъ церкви, первоначальныя религіозныя цѣли на задній планъ. Въ средніе вѣка христіанскими народами уже управляетъ, какъ высшій правитель, папа, который по настоящее время считается однимъ изъ первыхъ властелиновъ христіанскаго міра; кардиналы-же и епископы соперничаютъ въ своемъ значеніи и рангѣ съ высшими представителями родовой аристократіи. Подобный же перевѣсъ стремленія къ власти можно видѣть, хотя быть можетъ и въ меньшихъ размѣрахъ, и въ остальныхъ христіанскихъ церквахъ.

Если даже въ христіанской церкви такъ развито стремленіе къ власти, то было бы очень легкомысленно не обращать вниманія на опасность, грозящую народному рабочему государству, чуждому идеѣ загробнаго бытія и связанныхъ съ нею мотивовъ человѣческой дѣятельности, легко подвергнуться такимъ-же послѣдствіямъ. Вѣдь рисовали-же себѣ сенъ-симонисты строй соціалистическаго государства, созданный по образцу католической іерархіи. И, судя по всѣмъ историческимъ аналогіямъ, несомнѣнно, что если въ народномъ рабочемъ государствѣ когда нибудь возникнетъ независимая отъ народа іерархія, то интересы ея власти скоро оттѣснятъ культурныя потребности народа на задній планъ такъ-же, какъ и въ современномъ обществѣ.

Совершенно избѣгнуть этой опасности вообще очень трудно. Противъ великаго историческаго развитія въ сущности нѣтъ никакихъ механическихъ средствъ защиты, которыя такъ часто рекомендуются либерализмомъ въ видѣ, напримѣръ, аппеляціонныхъ судовъ и другихъ контрольныхъ учрежденій. Лучшая защита противъ заносчивости и властолюбія со стороны господствующихъ —это, конечно, широкое распространеніе въ народныхъ массахъ убѣжденія, что руководительство правителей, будь то отдѣльныя лица или цѣлыя народныя группы, въ сущности имѣютъ очень незначительную и относительную цѣнность. Каждая «провиденціальная личность» воспитана на матеріальныя средства своихъ согражданъ и черпаетъ основныя идеи изъ духовной сокровищницы своего времени; когда она достигаетъ высокаго положенія, успѣхъ ея дѣятельности всецѣло зависитъ отъ поддержки дѣятельнаго народа.

Такой трезвый взглядъ на обусловленность всѣхъ индивидуальныхъ дѣйствій сильно распространенъ въ области искусства, литературы и науки, но массы, воспитанныя на традиціяхъ индивидуалистическаго насильственнаго государства, еще очень склонны приписывать дѣяніямъ государственныхъ людей и пол-

ководцевъ чрезмѣрное значеніе. Между тѣмъ, въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ о такихъ дѣяніяхъ, которыя, если бы они не имѣли успѣха, подвергались бы насмѣшкамъ, какъ глупости, или клеймились бы общественнымъ мнѣніемъ, какъ преступленіе. Слѣдовательно, съ распространеніемъ указанныхъ идей среди всѣхъ народныхъ слоевъ, народъ никогда не будетъ склоненъ преувеличивать заслуги руководителей или даже переносить ихъ на потомство руководителей.

Такъ какъ рѣчь идетъ о главныхъ основахъ рабочаго народнаго государства, то въ числѣ важнѣйшихъ задачъ воспитанія народа должно быть отведено мѣсто и правильному опредѣленію цѣнности человѣческихъ дѣяній. И когда, благодаря такому воспитанію и, особенно, критической переработкѣ политической и военной исторіи, слѣпое почитаніе героевъ будетъ изъ жизни совершенно устранено, тогда можно будетъ очень скоро убѣдиться, что исчезнутъ не сами герои, а только ихъ высокомѣріе и властолюбіе *).

---

*) Ницше даже создалъ для этихъ провиденціальныхъ личностей особую человѣческую разновионость—сверхчеловѣка; это открытіе было встрѣчено съ большимъ одобреніемъ, потому что оно даетъ возможность самому убогому представителю человѣческаго рода считать себя при удачѣ, равной удачѣ многихъ историческихъ людей, также провиденціальными личностями.

VIII. Двигательныя силы народнаго рабочаго государства.

Современный правопорядокъ, по основному своему характеру покоится на эгоизмѣ. Никто, понятно, не станетъ сомнѣваться, что наше право частной собствннности движется почти исключительно благодаря этой пружинѣ и что наша частная собственность, допускающая накопленіе богатствъ, значительно превосходящихъ потребности человѣка и не считающаяся съ родомъ накопляемой собственности,—служитъ не только выраженіемъ эгоизма, но и источникомъ самыхъ дурныхъ проявленій его. Въ другомъ основномъ институтѣ частнаго права, въ семьѣ, и, наконецъ, во всемъ публичномъ правѣ, въ нашемъ общественномъ строѣ господствуютъ тѣ-же самые принципы эгоизма; но въ этихъ областяхъ, какъ показываетъ опытъ, значительную роль играютъ самопожертвованіе и преданность, вліяніе которыхъ обычно и предполагается законодательствомъ. Однако, можно съ полнымъ правомъ утверждать, что современное государство преимущественно разсчитано на эгоизмъ, какъ на лучшую пружину соціальной машины; въ отдѣльныхъ случаяхъ къ пружинѣ присоединяется, въ качествѣ дополняющихъ силъ, хотя и съ второстепеннымъ и сомнительнымъ вліяніемъ, чувства братства, солидарности и любви къ ближнему.

Я не думаю, чтобы народное рабочее государство могло занять въ общей игрѣ человѣческихъ страстей и стремленій другое положеніе, чѣмъ то, которое занимаетъ теперь современный государственный строй. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ образуетъ для себя въ своей физической ограниченности маленькій мірокъ съ собственными страданіями и собственными радостями, въ то время какъ радость и страданія другихъ затрагиваютъ его только косвенно,—до тѣхъ поръ эгоизмъ останется важнѣйшимъ мотивомъ человѣческой дѣятельности. И введеніе рабочаго народнаго государства, вопреки мнѣнію многихъ соціалистическихъ писателей, не можетъ сотворить чуда даже и въ томъ случаѣ, если оно преобразованіемъ формъ собственности устранитъ съ пути важнѣйшій поводъ для эгоистическихъ стремленій. Въ силу

этого соціалистическій государственный строй не можетъ преслѣдовать цѣль устраненія эгоизма изъ человѣческаго сердца,— онъ можетъ только дать ему правильное направленіе и, главнымъ образомъ, устранить его аномаліи.

Вполнѣ естественно, конечно, желаніе, присущее соціалистическимъ школамъ всѣхъ временъ, воспользоваться введеніемъ народнаго рабочаго государства, чтобы замѣнить господство эгоизма состязаніемъ болѣе благородныхъ силъ. Относящіеся къ этой области планы развиваются въ двухъ направленіяхъ. Очень многія соціалистическія системы требуютъ, чтобы институты народнаго рабочаго государства съ самаго начала были основаны на чувствахъ любви къ ближнему, солидарности и братства, подобно тому, какъ существующій государственный строй исходитъ изъ идеи, что главнымъ двигателемъ человѣческой природы является эгоизмъ. При этомъ, естественно, предполагается, что развитію этихъ чувствъ будутъ способствовать всѣ государственныя учрежденія и, главнымъ образомъ, цѣлесообразная постановка воспитанія.

Другая группа соціалистовъ заходитъ гораздо дальше въ направленіи, противоположномъ указанному. Эта группа полагаетъ, что государство беретъ эгоизмъ своихъ гражданъ, какъ данный фактъ, и стремится уничтожить конфликты эгоистическихъ интересовъ тѣмъ, что предоставляетъ каждому индивидуму отдѣльную сферу для свободной дѣятельности. Напротивъ, Фурье и его школа полагаютъ, что въ предлагаемомъ ими общественномъ строѣ общая гармонія и общее счастье возникнутъ изъ свободнаго состязанія человѣческихъ наклонностей. Анархистскія школы по необходимости также должны стоять на этой точкѣ зрѣнія, такъ какъ отрицаютъ всякую властвующую и принудительную силу государства.

Всѣ эти системы, вмѣстѣ съ Руссо, исходятъ изъ воззрѣнія, что по природѣ своей человѣкъ добръ, что портятъ его современныя соціальныя условія; если же общественный строй будетъ кореннымъ образомъ преобразованъ, то и природная доброта человѣка неудержимо выступитъ наружу. Не безъ основанія это мнѣніе оспаривалось уже во времена Руссо; тѣмъ болѣе оно не выдерживаетъ никакой критики въ настоящее время, когда наблюденіе надъ многочисленными дикими народами показало, что они по своему нравственному уровню нисколько не превосходятъ современныя культурныя націи. Правда, наша цивилизація имѣетъ тысячи недостатковъ и въ общемъ «цивилизованные» люди заслуживаютъ большую часть упрековъ, которыми Фурье ихъ такъ щедро осыпалъ. Но съ другой стороны цивили-

зованные люди все таки не такъ эгоистичны и неумѣренны, не такъ вѣроломны и жестоки, какъ дикіе люди.

Вообще, было бы роковой ошибкой предполагать, что самое коренное преобразованіе государственнаго строя могло бы существенно измѣнить основные инстинкты человѣческой прироры. Соціалистическія системы, исходящія изъ этого воззрѣнія, съ самаго начала построены на зыбкой почвѣ. Трезвая государственная теорія должна, напротивъ, считаться съ дальнѣйшимъ существованіемъ хорошихъ и дурныхъ страстей и при существованіи народнаго рабочаго государства. Безчисленные коммунистическіе и соціалистическіе эксперименты XIX вѣка фактически доказали всю утопичность ожиданія нравственнаго возрожденія людей, такъ какъ до сихъ поръ оно еще никогда не наступало.

Я всегда считалъ эту моральную переоцѣнку соціализма такой-же ошибочной и безцѣльной, какъ и политико-экономическое прикрашиваніе соціализма Томпсономъ, Лассалемъ, Марксомъ и Родбертусомъ. Соціализмъ вовсе не нуждается въ подобныхъ химерахъ, которыя неизбѣжно придаютъ ему утопическій характеръ. Современное общество, въ которомъ широкія массы народа приносятся въ жертву ради блага немногихъ круговъ населенія, не можетъ, конечно, не проповѣдывать самопожертвованія, вѣрности господамъ и патріотизма. Народное рабочее государство, если оно и не создастъ никогда полнаго равенства гражданъ, все-же настолько уравнитъ ихъ соціальное положеніе, что каждый гражданинъ отъ устройства новыхъ учрежденій что нибудь да выиграетъ.

Поэтому я думаю, что въ народномъ рабочемъ государствѣ не столько будетъ разговоровъ о жертвахъ и братствѣ, сколько о разумномъ уравненіи интересовъ. Вожди великой французской революціи также мечтали о внѣ-государственномъ естественномъ состояніи, согласно идеѣ Руссо. Но сила обстоятельствъ скоро заставила ихъ принять современную административную систему Франціи и такимъ образомъ расширить и завершить централизацію, начатую еще королевствомъ.

IX. Право и мораль.

Въ современномъ обществѣ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ опредѣляются не только правовыми нормами, но и предписаніями морали; наше право во многихъ важныхъ случаяхъ прямо предполагаетъ, что правила нравственности—необходимое добавленіе къ закону; несомнѣнно, что подобное отношеніе, съ извѣстными существенными измѣненіями, сохранится и въ народномъ рабочемъ государствѣ. Соціалистическій правопорядокъ будетъ охватывать и такія области, которыя въ настоящее время нормируются только нравственностью. Но съ другой стороны и соціалистическое государство не будетъ въ состояніи подчинить всю человѣческую дѣятельность правовымъ нормамъ. Во всякомъ случаѣ, вліяніе нравственныхъ факторовъ въ народномъ рабочемъ государствѣ должно будетъ сильно измѣнить свой характеръ.

Въ современномъ общественномъ строѣ предписанія права и нравственности существенно отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что только предписанія права могутъ быть осуществлены съ помощью внѣшняго принужденія. Однако и въ правилахъ морали нѣтъ недостатка въ санкціи, ибо безъ всякой санкціи каждое правило только пустой звукъ. Въ настоящее время правила морали, прежде всего, санкціонируются религіей, такъ какъ по христіанскому воззрѣнію за безнравственныя дѣянія Небо ниспосылаетъ временное или вѣчное наказаніе. Важнымъ мотивомъ нравственности является также общественное мнѣніе, карающее безнравственныя дѣйствія общественнымъ порицаніемъ и связанными съ нимъ послѣдствіями, отзывающимися на благополучіи индивидуума. Такимъ образомъ, нравственность такъ-же, какъ и право, покоится на соотношеніи силъ, съ той только разницей, что въ сферѣ нравственности эти соотношенія не организованы послѣдовательно, какъ въ государствѣ.

Сказанное вполнѣ объясняетъ чрезвычайно неудовлетворительное состояніе нравственности въ настоящее время. Дѣйствительно, религіозныя предписанія морали, въ виду критики, религіозныхъ традицій и распространенія опытнаго міросозерцанія,

все болѣе теряютъ подъ собою почву; уже теперь большинство образованныхъ классовъ болѣе не стоитъ на точкѣ зрѣнія положительнаго христіанства, а исповѣдуетъ въ лучшемъ случаѣ религію разума, которая едва-ли можетъ разсматриваться какъ существенный мотивъ нравственности. Такимъ образомъ, благопріятное положеніе имущихъ и образованныхъ классовъ въ борьбѣ съ народными массами еще болѣе усиливается, такъ какъ послѣднія въ свободѣ своихъ дѣйствій еще до сихъ поръ связаны религіозными представленіями. Положеніе вещей не мѣняется и тогда, когда высшіе классы въ видѣ исключенія исповѣдуютъ какую-нибудь философскую моральную доктрину, потому что всѣ теоріи морали, въ смыслѣ стѣсненія человѣка въ его дѣйствіяхъ, гораздо свободнѣе, чѣмъ система религіозной морали*). По этой причинѣ чисто-консервативные классы, которымъ чуждъ пріобрѣтенный образованіемъ идеализмъ либеральныхъ партій, во всѣхъ странахъ распространяютъ идею, что для народа религія должна быть сохранена, не смотря на то, что сами они давнымъ-давно стряхнули съ себя всякіе слѣды вѣры въ догматы.

Съ другой стороны, и среди *низшихъ классовъ народа* все болѣе пробуждается стремленіе устроить свою земную жизнь лучше и удовлетворительнѣе въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ; наиболѣе яркимъ выраженіемъ этихъ широко-распространенныхъ стремленій и является соціализмъ. Но сознаніе массъ, въ виду этого, впадаетъ въ неизбѣжное противорѣчіе съ основнымъ воззрѣніемъ совремернаго христіанства, которое считаетъ земную жизнь только временнымъ паломничествомъ и видитъ истинную цѣль человѣчества въ вѣчной жизни въ сверхчувственномъ потустороннемъ мірѣ.

По мѣрѣ ослабленія религіозныхъ мотивовъ, конечно, усиливается вліяніе общественнаго мнѣнія, которое я выше отмѣтилъ, какъ другой факторъ нравственнаго поведенія. Но и этотъ

*) Чтобы привести наиболѣе извѣстный примѣръ, остановимся на положеніи категорическаго императива Канта: Держись всегда только такого правила, относительно котораго ты можешь желать, чтобы оно стало общимъ закономъ. Ср. Kant. Grundlegung zur Metaphisik ber Sitten (1875), in der Kirchmannschen Ausgabe (1870). Эта совершенно безсодержательная формула получила такую громкую извѣстность только потому, что звучитъ, съ одной стороны, очень высокопарно и строго, а съ другой—позволяетъ философствующему практику, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, поступать такъ, какъ ему угодно. Не иначе обстоитъ дѣло и съ остальными системами автономной нравственности, которыя въ сущности являются моральнымъ анархизмомъ и такъ же мало, какъ послѣдній, гарантируютъ гормоническое сожительство всѣхъ людей.

фактъ въ наше время не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ общественное порицаніе безнравственныхъ поступковъ до сихъ поръ не нашло себѣ удовлетворительной организаціи.

Въ виду этого нельзя не признать, что если не будутъ созданы новыя правила нравственности, то обществу грозитъ такое-же моральное паденіе, какое охватило античный міръ послѣ гибели языческихъ народныхъ религій. Народное рабочее государство не можетъ быть враждебно существующимъ религіямъ, вслѣдствіе ихъ связи съ нравственностью; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно сознаетъ, что теченія современности, разрушающія религію, никакими репрессивными мѣрами не могутъ быть подавлены и что поэтому онѣ въ теченіе нѣскольскихъ столѣтій будутъ сведены къ нулю. Слѣдовательно, если народное рабочее государство желаетъ создать прочные устои, то оно должно имѣть въ виду, главнымъ образомъ, нравственные мотивы, которые можетъ опредѣлить организованное общественное мнѣніе.

Уже теперь эта потребность вызывать нравственное поведеніе съ помощью общественнаго одобренія или порицанія, до извѣстной степени, удовлетворяется, напримѣръ, оглашеніемъ тѣхъ или другихъ фактовъ въ законодательныхъ и административныхъ карпораціяхъ, ферейнахъ, и, особенно, въ періодической печати. Нельзя не признать, что свободная печать сыграла большую роль, энергично выступивъ противъ алчности маленькихъ властелиновъ, бывшихъ въ прошлые вѣка злѣйшимъ бичемъ націи. Но она ничего не можетъ сдѣлать противъ безнравственныхъ поступковъ монарховъ, правительствъ, парламентовъ, родовой и финансовой аристократіи и т. п. лицъ, которыя держатъ въ своихъ рукахъ значительную часть соціальной власти и могутъ или вовсе уничтожить газету или купить ее за деньги и милости.

Во всякомъ случаѣ, очевидно, что печать, ни отъ кого независимая, является могущественнымъ средствомъ для поддержанія нравственности. Но при этомъ обязательно соблюденіе двухъ условій: во первыхъ, печать при извѣстныхъ условіяхъ должна быть въ распоряженіи каждаго, тогда какъ въ настоящее время только вліятельные круги могутъ посредствомъ нея вліять на поведеніе своихъ согражданъ. Во вторыхъ, необходимо, чтобы гарантія нравственныхъ поступковъ была организована государственнымъ законодательствомъ.

Эту организацію можно представить себѣ въ такомъ видѣ: народное рабочее государство допускаетъ черезъ посредство независимыхъ органовъ изданіе оффиціальныхъ газетъ мѣстнаго характера; въ случаѣ безнравственнаго поступка, направленнаго противъ общественнаго блага, каждый гражданинъ имѣетъ пра-

во указать на нихъ въ печати, а въ извѣстныхъ случаяхъ—можетъ пользоваться печатью и потерпѣвшій. Согласно самому понятію о чистой нравственности, достаточно обнародованія безнравственныхъ поступковъ; ни къ какимъ другимъ наказаніямъ виновныхъ нельзя приговаривать. Законодательство детально опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ необходимо опубликованіе съ доказательствами справедливости обвиненія и въ какихъ случаяхъ послѣ этого допустимо опубликованіе со стороны обвиняемаго доказательствъ невѣрности обвиненія.

Эти проэкты имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ нашего времени: во многихъ случаяхъ современное законодательство представляетъ потерпѣвшему право требовать опубликованія въ газетахъ фактическихъ опроверженій. Я думаю, что такая система гласности можетъ больше гарантировать поддержаніе нравственности, чѣмъ наша равнодушная, обуреваемая сомнѣніями религіозность. Правда, такая гласность покоилась бы на эгоистическихъ мотивахъ. Но развѣ вѣрующій христіанинъ, ожидающій за свои дѣянія награды или кары на томъ свѣтѣ, въ сущности, не руководствуется тѣми же эгоистическими мотивами? Къ этимъ учрежденіямъ можно еще прибавить нравственное воспитаніе юношества, которое рекомендовало бы упражненіе въ добродѣтели ради нея самой. Но здѣсь, однако, народное рабочее государство не должно ожидать для практической нравственности большихъ успѣховъ, чѣмъ отъ правилъ морали, которыя, подобно категорическому императиву Канта, лишены какой бы то ни было санкціи.

X. Идея свободы.

Свобода, это—возможность, предоставленная каждому индивидууму, преслѣдовать лично имъ избранныя цѣли безъ посторонняго противодѣйствія. Если эту свободу имѣетъ группа лицъ, находящихся въ одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ, то можно говорить о свободѣ корпораціи, сословія, народа.

Сообразно цѣлямъ, преслѣдуемымъ индивидуумами или цѣлыми группами индивидуумовъ, можно различать свободу политическую, экономическую, религіозную и научную. Мы будемъ говорить только о свободѣ политической и экономической.

Красиво звучащее слово «свобода» очень части примѣняется къ такимъ общественнымъ учрежденіямъ, которыя обезпечиваютъ возможность отдѣльнымъ соціально-вліятельнымъ классамъ населенія политически и экономически эксплуатировать своихъ согражданъ. Такъ, нѣмецкіе князья XVII и XVIII вѣковъ называли нѣмецкой свободой полученную ими послѣ столѣтней борьбы возможность ослаблять и раздроблять свое отечество. Точно также имущіе классы еще до сихъ поръ говорятъ о свободѣ договора и взиманія процентовъ, хотя обѣ эти формы въ дѣйствительности являются самымъ вѣрнымъ средствомъ для подчиненія неимущихъ классовъ имущимъ. Я, конечно, имѣю здѣсь въ виду только тѣ виды свободы, которыя совмѣстимы съ политическимъ и экономическимъ самоопредѣленіемъ *всего* народа.

Что касается, прежде всего, *политической* свободы, то это выраженіе въ нашемъ современномъ языкѣ имѣетъ двойной смыслъ. Во первыхъ, каждый народъ, каждая личность—политически свободны, если государственныя учрежденія не стѣсняютъ ихъ въ достиженіи ихъ цѣлей. Въ этомъ смыслѣ политическая свобода не зависитъ отъ дѣйствующей государственной конституціи. Она можетъ имѣть мѣсто даже въ разумно управляемомъ абсолютическомъ государствѣ, если привительственная власть вмѣшивается въ индивидуальную жизнь гражданъ лишь настолько, сколько этого требуетъ общественное благо.

Во вторыхъ, подъ политической свободой понимается такой строй, когда граждане, въ большей или меньшей степени, участвуютъ въ управленіи страной. Въ этомъ смыслѣ политическая свобода можетъ существовать только въ конституціонныхъ монархіяхъ и распубликахъ.

Врядъ-ли можно сомнѣваться, что народное рабочее государство можетъ обезпечить своимъ гражданамъ гораздо большую политическую свободу, чѣмъ современное насильственное индивидуалистическое государство. Въ особенности можетъ быть расширена индивидуальная политическая свобода, наиболѣе важная для широкихъ народныхъ массъ. И, дѣйствительно, уже въ силу своего преимущественно экономическаго характера народное рабочее государство можетъ или совсѣмъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, значительно ограничить воинскую повинность, благодаря которой въ настоящее время наиболѣе сильная и здоровая часть населенія въ континентальныхъ военныхъ государствахъ, въ лучшіе годы жизни, при осуществленіи своихъ матеріальныхъ интересовъ на каждомъ шагу встрѣчается съ препятствіями. Гнетъ полиціи и судебныхъ учрежденій, по мѣрѣ уравненія соціальнаго положенія гражданъ, также можетъ быть значительно смягченъ.

Болѣе спорнымъ является вопросъ объ *экономической* свободѣ гражданъ. Именно объ этой, а не о политической свободѣ идетъ рѣчь, когда многіе государственные люди и писатели опредѣляютъ народное рабочее государство, какъ смирительный домъ или казарму. Но здѣсь имѣется та же односторонность, какая побуждаетъ разсматривать государство и народное хозяйство, эти общія формы жизни, съ точки зрѣнія узкихъ круговъ населенія.

Дѣйствительно, почти только соціальное положеніе богатыхъ принимается во вниманіе, когда предполагаютъ въ народномъ рабочемъ государствѣ существенное сокращеніе свободы. Но нельзя-же отрицать, что по отношенію къ экономической свободѣ современные богатые классы находятся въ слишкомъ выгодномъ положеніи. Въ настоящее время для нихъ отечество —весь міръ. Гдѣ бы они ни были, всѣ стремятся своимъ трудомъ украсить ихъ праздное существованіе. Если они принимаютъ участіе въ народномъ трудѣ, ихъ дѣятельность имѣетъ колоссальный успѣхъ, благодаря ихъ богатству. Не монархи, обремененные раобтой и ктому-же не обезпеченные въ самой жизни, подвергающейся опасности со стороны народныхъ массъ, а богачи, —вотъ кто истинные короли нашего времени. Конечно, этотъ излишекъ экономической свободы въ народномъ рабочемъ госу-

дарствѣ значительно сократится, если только злоупотребленія не удалятъ это государство отъ его настоящей цѣли.

Но въ то время, какъ богачи имѣютъ экономическую свободу и формально и фактически, экономическое самоопредѣленіе бѣдняковъ въ нашемъ общественномъ строѣ едва-ли не призрачно. Правда, ихъ экономическая свобода послѣ уничтоженія рабства и крѣпостной зависимости юридически не ограничена. Но такъ какъ они лишены необходимыхъ средствъ производства для поддержанія жизни, то фактически вынуждены пользоваться тѣми условіями заработка, которыя предлагаются имъ землевладѣльцами и капиталистами. «Современная личная свобода,—правильно замѣчаетъ Родбертусъ,—для большинства превращается въ постоянную зависимость отъ чужой индивидуальной воли и чужой индивидуальной морали—воли и морали землевладѣльцевъ и капиталистовъ». Для широкихъ народныхъ массъ, такимъ образомъ, будетъ несомнѣннымъ расширеніемъ ихъ экономической свободы, если условія заработка, диктуемыя имъ теперь случаемъ и нуждой, будутъ планомѣрно опредѣляемы органами народнаго рабочаго государства.

И все таки было бы ошибкой совершенно отбросить мысль, лежащую въ основѣ этихъ упрековъ. Конечно, съ народнымъ рабочимъ государствомъ вовсе не связано неизбѣжно ограниченіе экономической свободы для большинства людей; но съ другой стороны возникаетъ опасеніе, какъ бы эта государственная форма не злоупотребляла своей громадной экономической властью для порабощенія отдѣльныхъ лицъ, подобно тому, какъ современное индивидуалистическое насильственное государство злоупотребляетъ своимъ политическимъ могуществомъ. Противъ этой опасности органы рабочаго народнаго государства должны будутъ обнаружить при организаціи хозяйственныхъ силъ большое самообладаніе. Не всякая экономическая выгода можетъ искупить ограниченіе индивидуальной свободы. Только тамъ, гдѣ затрагиваются важные экономическіе интересы общества, можно подчинить дѣятельность гражданъ государственному принужденію. Въ противномъ случаѣ можно опасаться, что въ народномъ рабочемъ государствѣ могутъ найти широкое распространеніе индивидуалистическія теченія, подобно тому, какъ въ наше время, распространеніе индивидуализма стало главной причиной распространенія соціализма.

XI. Идея равенства.

Французская революція была гораздо больше охвачена идеей равенства, нежели боевымъ призывомъ къ свободѣ и братству. Но благодаря своему политическому характеру, она не пошла дальше такъ называемаго равенства передъ закономъ, подъ которымъ тогда прежде всего разумѣли уничтоженіе налоговыхъ и судебныхъ привиллегій и всеобщее право на государственную службу. Никогда руководители французской революціи не думали объ уравненіи всѣхъ гражданъ въ отношеніи институтовъ гражданскаго права, а думали объ уравненіи ихъ именно въ правѣ собственности, хотя отдѣльныя выдающіяся личности и передъ революціей и во время ея не разъ высказывали полу-соціалистическія воззрѣнія. Въ такомъ изуродованномъ видѣ равенство передъ закономъ легло въ основаніе конституцій многихъ культурныхъ государствъ.

Но уже въ концѣ французской революціи противъ этой каррикатуры равенства образовался подъ предводительствомъ Бабефа «заговоръ равныхъ» (Conjuration des Egaux), домогавшійся дѣйсттельпаго равенства (égalité de fait), т. е. равенства воспитанія, труда и пользованія благами—для всѣхъ гражданъ. Съ тѣхъ поръ экономическое равенство стало могучимъ, широко распространеннымъ идеаломъ соціализма и никоимъ образомъ не заслужило оцѣнки Сенъ-Симона, который высмѣялъ его, какъ «турецкое равенство». Несомнѣнно, впрочемъ, что этотъ идеалъ, какъ и вообще всѣ конечныя цѣли человѣческихъ стремленій, можетъ быть осуществленъ только приблизительно.

Въ самомъ дѣлѣ, полное экономическое равенство мыслимо только при анархическомъ общественномъ строѣ; въ народномъ рабочемъ государствѣ всегда будутъ противорѣчія, которыя сдѣлаютъ это равенство невозможнымъ. Прежде всего, прійдется считаться съ противоположностью между господствующими и подчиненными или, лучше сказать, между управляющими и управляемыми; эта противоположность въ народномъ рабочемъ государствѣ проявится въ еще болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ при современномъ общественномъ строѣ, потому что его вліяніе будетъ

распространено также на всю область экономической жизни. А опытъ всѣхъ временъ говоритъ, что господствующіе классы всегда злоупотребляли своей властью, чтобы обезпечить себѣ привиллегированное положеніе. Во вторыхъ, различіе въ развитіи и знаніяхъ окажется обильнымъ источникомъ неравенства и въ народномъ рабочемъ государствѣ. Правда, образованные люди никогда не предъявляли къ обществу такихъ высокихъ экономическихъ требованій, какъ господствующіе классы; однако, превосходство въ знаніяхъ и опытъ при каждомъ общественномъ строѣ создаютъ силу, которая должна привести къ привиллегированному экономическому положенію. Поэтому нѣкоторые соціалисты, какъ, напр., Силовіанъ Марешаль, товарищъ Бабефа, ставятъ на первомъ планѣ экономическое равенство, предвидя въ своемъ общественномъ идеалѣ неизбѣжное паденіе или даже гибель высшаго духовнаго развитія, но забывая, что, при густотѣ населенія въ европейскихъ культурныхъ странахъ, требуется безпрестанный прогрессъ науки и техники, который можетъ быть дѣломъ только ученыхъ соціалистовъ. Громадный, ежедневно увеличивающійся объемъ отдѣльныхъ наукъ, колоссальныя приспособленія, которыхъ требуетъ изученіе естественно-научныхъ и техническихъ дисциплинъ, даже общественныя знанія,—заставляютъ считать химеричной мысль, что наукой можно заниматься, какъ побочнымъ дѣломъ, на ряду съ физическимъ трудомъ, (Бебель) или что научное преподаваніе можно соединить съ практическимъ примѣненіемъ въ промышленности (Прудонъ).

Третій моментъ, ведущій къ экономическому неравенству,—это различное количество и качество затраченнаго труда. Кто вѣритъ, что послѣ введенія соціалистическаго общественнаго строя чувство братства вытѣснитъ современные эгоистическіе мотивы человѣческой дѣятельности, тотъ, конечно, можетъ игнорировать эту причину экономическаго неравенства; но кто не вѣритъ въ подобное чудесное вліяніе соціализма, тотъ не можетъ не видѣть, что извѣстное соотношеніе между работой и вознагражденіемъ необходимо.

Наконецъ, въ четвертыхъ, нельзя забывать того, что современное соціальное движеніе исходитъ преимущественно отъ промышленныхъ рабочихъ и именно отъ такихъ элементовъ, которые въ духовномъ и матеріальномъ отношеніяхъ стоятъ выше другихъ. И по аналогіи съ буржуазными революціями XVIII и XIX вѣковъ, оказавшимися выгодными преимущественно для крупной буржуазіи,—соціалистическое движеніе, какъ то же соотношеніе силъ, окажется особенно благопріятнымъ для интересовъ наиболѣе вліятельныхъ элементовъ рабочаго класса.

Эти четыре момента очень скоро приведутъ народное рабочее государство къ экономическому неравенству, если бы даже въ первую минуту героическаго воодушевленія гражданъ и было бы установлено экономическое равенство. Поэтому слѣдуетъ представить себѣ народное рабочее государство іерархической организаціей, конечно, безъ теоретическаго характера сенъ-симонистовъ, а съ характеромъ чисто свѣтскимъ. Въ наше время можно считать прообразомъ его крупныя желѣзно-дорожныя и пароходныя предпріятія, преслѣдующія чисто-экономическія цѣли и, тѣмъ не менѣе, работающія съ удивительной точностью и исправностью. Гораздо меньше могутъ быть приняты для образца іерархически организованныя армія и бюрократія: эти организаціи покоятся, главнымъ образомъ, на патріотизмѣ, жаждѣ почестей и тому подобныхъ, исторически обусловленныхъ чувствахъ, которыя въ народномъ рабочемъ государствѣ очень скоро отойдутъ на задній планъ.

Такая іерархическая организація также облегчитъ разрѣшеніе двухъ важныхъ вопросовъ, которые, впрочемъ, въ настоящее время не играютъ большой роли. Кто будетъ въ народномъ рабочемъ государствѣ пользоваться рѣдко производимыми благами природы? И, что еще важнѣе, кто будетъ исполнять вредныя для здоровья и непріятныя работы, которыя несомнѣнно будутъ необходимы даже въ томъ случаѣ, если организація производства будетъ руководиться исключительно народными интересами? Фурье и его школа придумали странное рѣшеніе этихъ вопросовъ: по ихъ мысли непріятныя работы въ каждой соціалистической общинѣ (фалангѣ) должны выполняться группами смѣлыхъ, сильныхъ дѣтей, которыя будутъ считать для себя такую работу честью. Въ іерархически организованномъ обществѣ разрѣшеніе этихъ вопросовъ не представляетъ никакой трудности, тѣмъ болѣе, что въ народномъ рабочемъ государствѣ положеніе отдѣльныхъ гражданъ въ томъ или другомъ рангѣ вовсе не будетъ такъ закрѣплено и прочно, какъ при современномъ общественномъ строѣ*).

Но помимо непріятныхъ и вредныхъ для здоровья работъ, іерархическій строй общества имѣетъ большое значеніе и для организаціи всей интеллектуальной и духовной дѣятельности. Нельзя забывать, что въ народномъ рабочемъ государствѣ исчезнутъ многія иллюзіи, имѣющія теперь могущественное вліяніе на поступки людей. А если вслѣдствіе уравненія всѣхъ, исчезнетъ и

*) См. Менгеръ. Экономическая и семейная жизнь въ народномъ государствѣ. 1905.

возможность улучшенія экономическаго положенія и стремленія къ нему, то можно опасаться, что народныя массы впадутъ въ полный квіетизмъ и тогда народное рабочее государство выродится въ организацію откармливанія и обжорства. Лучшимъ средствомъ противъ этой опасности явится іерархическій строй, который облегчитъ каждому, гораздо больше, чѣмъ современный, возможность достигнуть высшихъ соціальныхъ ступеней.

Эти основныя положенія никогда не терялись изъ виду. Къ соціалистамъ, высказывающимся за экономическое неравенство, принадлежитъ не только Сенъ-Симонъ, но и его школа, выставившая принципомъ распредѣленія благъ извѣстную формулу: каждый дѣлаетъ, что можетъ, и вознаграждается по заслугамъ. Подобной-же точки зрѣнія держится Фурье и его школа, которые прямо говорятъ, что въ предлагаемомъ ими общественномъ строѣ большое имущественное неравенство неизбѣжно. Многіе позднѣйшіе соціалисты тоже высказываются за экономическое неравенство въ государствѣ будущаго.

Что касается защитниковъ экономическаго равенства, то къ нимъ принадлежатъ не только тѣ, кто, подобно Бабефу и его приверженцамъ, требуетъ его непосредственнаго осуществленія, но и тѣ писатели, которые выставляютъ масштабомъ распредѣленія благъ потребности каждаго индивидуума. Въ дѣйствительности защитники экономическаго равенства стоятъ на той-же точкѣ распредѣленія по потребностямъ, такъ какъ совершенно равное распредѣленіе благъ и труда, безъ отношенія къ возрасту, полу и здоровью, очевидно немыслимо.

Если считать іерархическую организацію народнаго рабочаго государства неизбѣжной, то возникаетъ вопросъ, какими-же мотивами слѣдуетъ руководствоваться при распредѣленіи гражданъ по различнымъ ступенямъ соціальной лѣстницы? Въ современномъ государствѣ рѣшеніе этого вопроса, опредѣляющаго судьбу индивидуума, зависитъ почти исключительно отъ случайностей рожденія или имущественнаго благосостоянія. Мы ежедневно видимъ, какъ, при нашихъ соціальныхъ условіяхъ, люди высоко-одаренные вертятъ какое-нибудь колесо машины или ходятъ за плугомъ, тогда какъ богатыя семьи безплодно тратятъ трудъ и деньги на воспитаніе неспособныхъ дѣтей. Поэтому, сенъ-симонисты не безъ основанія возстаютъ противъ всякихъ привиллегій рожденія, въ которомъ кроется основное зло нашего общественнаго строя. Такъ какъ въ народномъ рабочемъ государствѣ имущественныя различія исчезнутъ, то моментами, рѣшающими распредѣленіе среди гражданъ жизненныхъ позицій, будутъ:

1. Профессія родителей. Этотъ моментъ представляетъ ту выгоду, что дѣти съ ранняго возраста уже сживаются съ профессіей своихъ родителей; но съ другой стороны, какъ мы видимъ изъ исторіи нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, на практикѣ это можетъ привести къ кастовой замкнутости профессій. Въ народномъ рабочемъ государствѣ этотъ моментъ, опредѣляющій раздѣленіе населенія между городомъ и деревней и между различными профессіями, будетъ въ прямой зависимости, главнымъ образомъ, отъ того или другого положенія родителей. Но этотъ моментъ абсолютно непригоденъ для высшихъ, организаторскихъ должностей, потому что въ этомъ случаѣ неизбѣжно возникнетъ бюрократическая аристократія, которая очень скоро направитъ народное рабочее государство на путь идивидуалистическаго и насильственнаго государства.

2. Высшее духовное развитіе. Духовное развитіе и опредѣленіе степени его посредствомъ экзаменовъ, научныхъ работъ и другихъ испытаній для демократическаго государства особенно важно въ качествѣ отличительнаго признака; интенсивная духовная дѣятельность въ большинствѣ случаевъ обусловливается выдающимися способностями, которыя человѣку обезпечиваетъ признаніе даже менѣе способныхъ людей. Впрочемъ, превосходство въ развитіи въ качествѣ дифференціаціи приложимо только, главнымъ образомъ, въ раннемъ возрастѣ и очень слабо—въ старшемъ возрастѣ, когда индивидуумъ уже испытанъ въ практической жизни. Вопреки мнѣнію Платона, Компанеллы, сенъ-симонизма и Конта, которые хотятъ передать управленіе ученымъ и священникамъ, какъ таковымъ,—успѣшное управленіе государствомъ зависитъ преимущественно отъ энергіи и твердости характера, качествъ совершенно независимыхъ отъ степени развитія и познаній.

3. Избраніе согражданъ. Замѣщеніе должностей въ управленіи посредствомъ выборовъ, до нѣкоторой степени—въ демократическомъ государствѣ это очень важно—гарантируетъ умѣніе избраннаго руководить народными массами; но опытъ показываетъ, что выборы очень замѣтно подчинены демагогіи. Въ современныхъ индивидуалистическихъ государствахъ, поскольку они вообще обладаютъ свободной конституціей, выборы имѣютъ огромное значеніе, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о политическомъ вліяніи на народныя массы. И въ народномъ рабочемъ государствѣ высшія должности, премущественно политическаго характера, также безъ сомнѣнія должны быть замѣщены посредствомъ выборовъ; высшія-же хозяйственныя должности, въ которыхъ требуются познанія и ловкость, въ такомъ,

почти исключительно экономическомъ государствѣ не допускаютъ избирательнаго права.

4. Назначеніе высшимъ авторитетомъ. Назначеніе болѣе благопріятствуетъ провѣркѣ спеціальныхъ способностей назначаемаго, чѣмъ выборы; но здѣсь возникаетъ опасность личнаго произвола и пристрастія со стороны назначающаго. Въ государствѣ, въ которомъ личные интересы высшихъ представителей власти сильнѣе всѣхъ другихъ соображеній, какъ, напримѣръ, въ нашемъ аристократически-военномъ государствѣ и въ католической церкви, обыкновенно замѣщеніе должностей путемъ назначенія широко распространено. Но въ народномъ рабочемъ государствѣ было бы правильнѣе всего разграничить выборы по округамъ и такимъ образомъ обезпечить сохраненіе демократической конституціи и спеціальную подготовку руководящихъ лицъ.

5. Жребій. При замѣщеніи общественныхъ должностей въ демократическихъ республикахъ древности, особенно въ Аѳинахъ, жребій игралъ очень большую роль, такъ какъ эти республики, имѣвшія институтъ рабства, въ сущности доходили до предѣловъ узко-ограниченной аристократіи, члены которой отличались очень мало другъ отъ друга въ вопросахъ образованія и подготовленности къ государственной дѣятельности; но они были гораздо ближе другъ другу, чѣмъ высшія и низшія сословія въ современномъ общественномъ строѣ. А такъ какъ это различіе будетъ продолжаться и послѣ введенія народнаго рабочаго государства, по крайней мѣрѣ на время еще хотя бы одного человѣческаго поколѣнія, то примѣненіе жребія для распредѣленія гражданъ на высшія и низшія мѣста впервые можетъ быть примѣнено только тогда, когда духовныя и экономическія различія разныхъ слоевъ населенія будутъ значительно сглажены, благодаря продолжительному вліянію новыхъ институтовъ.

Если подвести итогъ всему сказанному, то устройство іерархической организаціи въ народномъ рабочемъ государствѣ получится такое: распредѣленіе гражданъ по профессіямъ опредѣляется въ зависимости отъ профессіи родителей, но по возможности слѣдуетъ принимать во вниманіе и личныя желанія отдѣльныхъ лицъ. Вступленіе на высшее поприще должно быть обусловлено выдающимися умственными способностями въ юношескомъ возрастѣ; дальнѣйшее возвышеніе совершается, въ зависимости отъ различія профессій,—путемъ выборовъ или назначенія. Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія, когда демократическій духъ проникнетъ не только въ политическую, но и въ экономическую и

духовную жизнь, въ устройствѣ хозяйственнаго организма можно прибѣгнуть и къ жребію.

Но если признать экономическое неравенство необходимымъ въ народномъ рабочемъ государствѣ, то тогда и оно даже отдаленно не будетъ напоминать ужасающей остроты современной противоположности между богатствомъ и бѣдностью. Уже въ современныхъ демократическихъ государствахъ экономическое положеніе высшихъ и низшихъ представителей власти далеко не такъ различно, какъ въ нашихъ аристократическихъ военныхъ государствахъ. Въ демократическомъ государствѣ, не имѣющемъ земельной и денежной собственности, въ государствѣ, подобномъ народному рабочему государству, различія въ экономическомъ положеніи были бы достаточно велики, чтобы вызывать соревнованіе гражданъ безъ ненависти и зависти оставшихся позади.

Оглавленіе.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ 3

Глава первая: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ. — Неудовлетворительная тенденція существующихъ правовыхъ организацій по отношенію къ неимущимъ; попытка ихъ переустройства: христіанство, французская революція и ея послѣдствія . . . . . 5—7

Глава вторая: АНАРХИЗМЪ.—Гармонія, какъ результатъ свободнаго состязанія человѣческихъ силъ; анархизмъ Бастіа и Фурье; анархистскіе элементы въ нашихъ правовыхъ организаціяхъ; упраздненіе повелѣвающаго и управляющаго государства посредствомъ организаціи, основанной на свободномъ договорѣ; старый индивидуалистическій анархизмъ: Годвинъ, Прудонъ, Штирнеръ; вовый коммунистическій анархизмъ: распредѣленіе средствъ потребленія сообразно размѣрамъ труда и потребностей; критика анархизма: затрудненія при его введеніи и при его примѣненіи; недостатки договорныхъ формъ и групповой организаціи, хозяйственные недостатки группы; положительные элементы анархизма . 8—15

Глава третья: ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЕ и СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО.—Государство Божіе и человѣческое; индивидуалистическое государство; происхожденіе слова «соціализмъ»; сущность индивидуалистическаго государства; сущность соціалистическаго государства (народнаго рабочаго государства): древность соціалистической государственной идеи . . . . . 16—20

Глава четвертая: СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ и КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО.—Задача соціалистическаго государства; переходъ имущественныхъ правъ къ государству; преобразованіе брака не является пунктомъ соціалистической программы; равенство средствъ потребленія въ коммунистическомъ государствѣ; неравенство средствъ потребленія въ соціалистическомъ государствѣ; точки соприкосновенія между соціализмомъ и современнымъ правовымъ порядкомъ. . . 21—25

Глава пятая: ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГОСУДАРСТВА и ПРАВА. — Зданіе нашего государственнаго порядка; историческій взглядъ на происхожденіе государства; органическая теорія; теорія естественнаго права; непримѣнимость этихъ теорій къ частному праву; происхожденіе права и государства путемъ насилія; естественно выросшее и прошедшее черезъ сознаніе право . . . . . 26—31

Стр

Глава шестая: МЕЖДУНАРОДНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ГОСУДАРСТВЪ. — Недостатки нашихъ международныхъ отношеній; патріотизмъ; отношеніе знатныхъ, средняго сословія и бѣдныхъ къ патріотизму; патріотизмъ и соціализмъ; патріотическое военное государство . . . . . 32—38

Глава седьмая: ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСИЛЬСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО.—Народное рабочее государство; государство, основанное на силѣ, и рабочее государство; задачи власти и культуры въ современномъ культурномъ государствѣ; въ народномъ рабочемъ государствѣ; опасность злоупотреблять властью въ народномъ рабочемъ государствѣ . 39—44

Глава восьмая: ДВИГАТЕЛЬНЫЯ СИЛЫ НАРОДНАГО РАБОЧАГО ГОСУДАРСТВА.—Эгоизмъ—главная руководящая сила современнаго государства, а также и народнаго рабочаго государства; несогласныя соціалистическія школы; соціализмъ не произведетъ переворота въ основныхъ инстинктахъ человѣчества . . . . . 45—47

Глава девятая: ПРАВО и МОРАЛЬ.—Право и нравственность; санкціонированіе нравственныхъ предписаній посредствомъ религіи и общественнаго мнѣнія; ослабленіе религіозной санкціи; организація общественнаго мнѣнія, какъ руководящей пружины нравственнаго поведенія . . . . 48—51

Глава десятая: ИДЕЯ СВОБОДЫ.—Политическая и экономическая свобода; расширеніе политической свободы въ народномъ рабочемъ государствѣ; экономическая свобода богатыхъ и бѣдныхъ; уваженіе къ ней въ народномъ рабочемъ государствѣ . . . . . 52—54

Глава одиннадцатая: ИДЕЯ РАВЕНСТВА.—Равенство передъ закономъ; невозможность проведенія экономическаго равенства въ народномъ рабочемъ государствѣ; іерархическая организація государства; моменты дифференціаціи; профессія родителей, высшее духовное развитіе, избраніе, назначеніе, жребій; незначительность экономическаго неравенства въ народномъ рабочемъ государствѣ . . . 55—61

ИЗДАНІЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЪ:

„Демосъ“:

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

1) **ЛИЛИ БРАУНЪ-ГИЖИЦКАЯ. Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ соціальномъ строѣ.** Пер. съ нѣм. М. Поляковой. 2 изд. 1905 г. Ц. 10 к.
2) **В. ЛИБКНЕХТЪ. Карлъ Марксъ.** Біографическій очеркъ. Съ прилож. портрета Карла Маркса и вида его могилы. Пер. съ нѣм. М. Поляковой. 2 изд. 1905 г. Ц. 15 к.
3) **ФР. ЭНГЕЛЬСЪ. Отъ утопіи къ наукѣ.** Съ портрет. и біографіей Энгельса. Пер. съ 4 нѣм. изд. 1905 г. Ц. 20 к.
4) **П. ЛАФАРГЪ. Мои воспоминанія о Карлѣ Марксѣ.** Съ портр. Карла Маркса Пер. съ нѣм. М. Поляковой. 1905 г. Ц. 10 к.
5) **КАРЛЪ КАУТСКІЙ. Интеллигенція и пролетаріатъ.** Пер. съ нѣм. М. Левина 1905 г. Ц. 15 к.
6) **А. МЕНГЕРЪ. Государство будущаго. I. Анархизмъ, индивидуалистическое и коммунистическое государство.** Пер. со 2 нѣмецк. изд. подъ ред. К. Л. Оленина. Ц. 20 к.
7) **П. ЛАФАРГЪ. За и противъ коммунизма.** Пер. М. Медвѣдевой. Ц. 15 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

8) **К. КАУТСКІЙ. Фридрихъ Энгельсъ, его жизнь и дѣятельность.**
9) **Ф. ЛАССАЛЬ. Наука и рабочіе.** (Защитительная рѣчь). Съ предислов. Эд. Бернштейна.
10) **А. БЕБЕЛЬ. Наши цѣли.**
11) **О. ЦВИДЕНЕКЪ. Соціалистическое вознагражденіе за трудъ.**
12) **ЗАЙДЕЛЬ. Норма рабочаго дня.**
13) **А. МЕНГЕРЪ. Государство будущаго. II. Экономическая и семейная жизнь въ народномъ государствѣ.**
14) **А. МЕНГЕРЪ. Государство будущаго. III. Организація народнаго рабочаго государства.**
15) **А. МЕНГЕРЪ. Государство будущаго. IV. Переходъ къ народному рабочему государству.**
16) **Ж. ЖОРЕСЪ. Идея мира и солидарность пролетаріата.**

Е. М. Алексѣевой:

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

1) К. МАРКСЪ. Нищета философіи. Съ предисл. и примѣч. Энгельса. Изд. 2. Ц. 50 к.
2) ФР. ЭНГЕЛЬСЪ. Отъ классическаго идеализма къ діалектическому матеріализму. Пер. съ нѣм. Ц. 15 к.
3) П. ЛАФАРГЪ. Женскій вопросъ. Пер. съ франц. Ц. 8 к.
4) К. МАРКСЪ и ФР. ЭНГЕЛЬСЪ. Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. 2 доп. изд. Ц. 5 к.
5) ТО-ЖЕ. Съ предисл. къ русск. изд. Г. Плеханова. Ц. 20 к.
6) К. КАУТСКІЙ. Автобіографія. Пер. съ нѣм. Ц. 8 к.
7) А. БЕБЕЛЬ. I. Профессіональное движеніе и политическія партіи. II. Законъ противъ соціалистовъ. Пер. съ нѣм. Ц. 12 к.
8) В. БРАКЕ. Долой соціалдемократовъ! Перев. съ нѣм. Ц. 5 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

9) К. МАРКСЪ. Рѣчь о свободѣ торговли. Пер. съ франц. 2 изд. Ц. 8 к.
10) А. БЕБЕЛЬ. Соціализація общества. Перев. съ нѣм. Ц. 15 к.
11) К. МАРКСЪ. Изъ біографіи Лорда Пальмерстона. Пер. съ англійск. Ц. 15 к.
12) К. КАУТСКІЙ. Комментарій къ Эрфуртской программѣ. Полн. пер. съ нѣм. Ц. 20 к.
13) А. ФРАНСЪ. Кренкебилль. Пер. съ франц. Ц. 3 к.
14) ФР. ЭНГЕЛЬСЪ. Къ аграрному вопросу на Западѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 8 к.
15) П. ЛАФАРГЪ. Благотворительность. Пер. съ нѣм.
16) К. КАУТСКІЙ. Къ критикѣ теоріи и практики марксизма. Полный пер. съ нѣм.

„Впередъ“:

1) К. КАУТСКІЙ. Классовые интересы. Пер. съ нѣм. Ц. 8 к.
2) Ж. ГЭДЪ. О коллективизмѣ. Пер. съ франц. Ц. 5 к.
3) АРТУРЪ АРНУ. Мертвецы коммуны. Перев. съ франц. Ц. 5 к.
4) ДВѢ РѢЧИ ЖОРЕСА и БЕБЕЛЯ, произнесенныя на рабочемъ конгрессѣ въ Амстердамѣ въ 1904 г. Съ двумя портретами. Ц. 10 к.
5) А. БЕБЕЛЬ. О Бернштейнѣ. Пер. съ нѣм. Ц. 10 к.

„Новая Заря“:

1) ЖАНЪ ЛОНГЭ. Ростъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ. Пер. съ франц. Ц. 10 к.
2) А. БЕБЕЛЬ. Антисемитизмъ и пролетаріатъ. Пер. съ нѣм. Ц. 10 к.

„Возрожденіе“:

1) ЖАНЪ ЖОРЕСЪ. Аграрный соціализмъ. Соціализмъ и крестьянство. Пер. съ франц.

Складъ изданій этихъ книгоиздательствъ

ПРИ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „ОБРАЗОВАНІЕ“ ОДЕССА, РИШЕЛЬЕВСКАЯ, 12.

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 20376 2338